

ЕВРЕЙСКИЙ ЖАМЕРТОН

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ ЛИТЕРАТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

Лариса КАЗАКЕВИЧ

Начну с цитаты.

"Однако с началом повальных арестов, которые уносят Васильева, Смелякова и других, НКВД берется и за Корнилова. В обвинительном заключении от 19 февраля 1938 года будет написано: "Следствием по делу ликвидированной троцкистско-зиновьевской организации, совершившей 1-го декабря 1934 года злодейское убийство секретаря ВКП(б) С.М.Кирова, была установлена принадлежность к этой организации Корнилова Бориса Петровича..."

Обв. Корнилов нелегально распространял свои контрреволюционные литературные произведения под названием "Чаепитие", "Елка" и "Прадед".

Стихотворение "Елка" в обвинительном заключении упоминалось не случайно.

В мае 1937 года НКВД поручает критику Николаю Лесючевскому сделать литературную экспертизу стихов Корнилова, к тому времени арестованного. Лесючевский пишет: "Ознакомившись с данными мне для анализа стихами Б. Корнилова, могу сказать о них следующее. В этих стихах много враждебных нам, издевательских над советской жизнью, клеветнических и т.п. мотивов. ..."

Прежде всего здесь следует назвать стихотворение "Елка". В нем Корнилов, верный своему методу двурушнической маскировки в поэзии, дает якобы описание природы, леса. Но маска здесь настолько прозрачна, что даже неопытному, невооруженному глазу становится полностью ясна откровенная контрреволюционность стихотворения. Написанное с большим чувством, с большим темпераментом, оно является тем более враждебным, тем более активно направ-

ленным на организацию контрреволюционных сил.

Корнилов цинично пишет о советской жизни (якобы о мире природы):

*Я в мире темном и пустом...
Здесь всё рассудку незнакомо...
здесь ни завета,
ни закона,
ни заповеди,
ни души.*

Насколько мне известно, "Елка" написана в начале 1935 г., вскоре после злодейского убийства С. М. Кирова. В это время шла энергичная работа по очистке Ленинграда от враждебных элементов. И "Елка" берет их под защиту. Корнилов со всей силой чувства скорбит о "гонимых", протестует против борьбы советской власти с контрреволюционными силами. Он пишет, якобы обращаясь к молодой елке:

*Ну, живи,
Расти, не думая ночами
О гибели
И о любви.
Что где-то смерть,
Кого-то гонят,
Что слёзы льются в тишине
И кто-то на воде не тонет
И не сгорает на огне.*

А дальше Корнилов откровенно говорит о своих чувствах:

*А я пророс огнем и злобой,
Посыпан пеплом и золой,
Широколобый,
Низколобый,
Набитый песней и хулой.*

Концовка стихотворения не менее показательна:

*И в землю втоптана подошвой,
Как ёлка, молодость моя,*

- мрачно заключает Корнилов.

Этот вдохновенный донос занимает еще несколько страниц. Именно злоебный оговор Лесючевского окончательно решил судьбу Корнилова..."

Я обратила особое внимание на этот кусочек из книги Натальи Громовой "Ольга Берггольц" потому, что нашему семейству пришлось сталкиваться с этим подонком Лесючевским. Во-первых, наши дачи с ним стояли совсем рядом, можно сказать, впритык, только зеленый забор разделял наши участки.

Сказать, что Лесючевский был нерукопожатным, - значит ничего не сказать. Его презирали все приличные люди.

У папы есть такая эпиграмма: На ленинградских литераторов, переехавших в Москву

1
*Недавно ведал только Невский,
Что туп и злобен Лесючевский.
Теперь твердят Иркутск
и Жлобин,
Что Лесючевский туп и злобен.*

2
*Был областным
подонком Друзин,
Теперь же Друзин - всесоюзен.*

3

*О том, что Кочетов подлюга,
Лишь знали Гатчина и Луга.
Об этом через Литгазету
Оповестили всю планету.*

Эпилог

*Так ли бедна говном столица,
Что должен Питер
с ней делиться?*

Эпиграмма была написана в связи с тем, что эти три ленинградца были переведены из Ленинграда в Москву и назначены на хорошие должности партийных функционеров от литературы.

Так вот. В издательстве "Советский писатель", где директором был Лесючевский, папе предложили издать книгу. И нужно было предстать пред его очи для подписания договора. Папа сказал Твардовскому, как ему не хочется лицезреть этого товарища. И Твардовский ему ответил: "А вы не рассматривайте его как личность. Отнеситесь к нему, как пес относится к столбу: подошел, помочился и пошел дальше".

Я же познакомилась с Лесючевским лично, когда в 70-х годах работала в издательстве "Советский писатель". Должна рас-

сказать эту историю, так как попадает она мистикой.

Работала я в корректуре. Когда стало известно, что в редакции русской прозы есть вакансия младшего редактора, я загорелась идеей получить это место. Это сейчас я понимаю, что не стоило так уж рваться в младшие редакторы: должность это незавидная - чисто техническая, да и получала я в корректуре гораздо больше денег, чем младший редактор. А тогда мне казалось, что работать в редакции более престижно, чем в корректорской. Что поделаешь? В молодости такие глупости важны. Да и муж все поддуживал меня: сходи к Лесючевскому, сходи к Лесючевскому... Тоже был молодой и глупый. В конце концов я пошла, хотя мне очень не хотелось. Лесючевский мне отказал, причем сделал это довольно злобно и с удовольствием. Назавтра Лесючевский на работу не вышел, и отсутствовал он довольно продолжительное время. Оказалось, у него случился инфаркт.

После его появления в издательстве я опять поддалась на уговоры мужа и опять, правда с еще большей неохотой, пошла к Лесючевскому. И он опять, с тем же злобным удовольствием, отказал мне. Вы будете смеяться, но назавтра он опять не пришел в издательство. (Слово "опять" я повторяю специально - для усиления впечатления от происходящих событий.) Через несколько дней стало известно, что у него псориаз. Его секретарша, если мы сталкивались в коридоре, проскакивала мимо, глядя на меня с некоторым ужасом.

И когда Лесючевский появился на работе опять и мой муж опять заикнулся о том, чтобы я к нему пошла, я сказала: "Нет! Боюсь, что в этот раз мой приход кончится его смертью!" Ну не мистика ли?

НЕИЗВЕСТНЫЕ ГЕРОИ. ПОИСК ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Иосиф ФИНКЕЛЬШТЕЙН

Окончание.

Начало в предыдущем выпуске

ПОДГОЕЦКИЙ Яков Данилович, 1917 г.р., Киев. Гв. ст. сержант. Командир башни танка Т-34 207-го танкового батальона 22-й гв. танковой бригады. С июля 1941 г. воевал на Ленинградском, Сталинградском и Воронежском фронтах. К званию Героя представлен 7.11.43 г. Из наградного листа: "В бою 5.11.43 года за освобождение города Киева от немецких захватчиков проявил личное мужество и героизм. Действовал смело и решительно, один из первых ворвался в Киев и водрузил знамя на Доме Советов". Приказом Военного Совета 38-й армии за № 127/н от 8.12.43 г. награжден орденом Красного знамени.

ПОЛЯКОВ Наум Исидорович, 1910 г.р. Гв. ст. лейтенант. Командир батареи 167-го гв. легкого артиллерийского Краснознаменного полка 3-й гв. легкой артиллерийской Бахмачско-Киевской бригады. С 15 мая 1942 г. воевал на Юго-Западном, Сталинградском, Центральном, 1-м Украинском фронтах. Погиб в бою 22.11.43 г. К званию Героя представлен 10.12.43 г. Из наградного листа: "Только за время наступления с 26 августа по 22 ноября 1943 г. Поляков огнем своей артиллерии уничтожил 3 минометные батареи, одну артиллерийскую батарею, 13 пулеметных гнезд, 3 станковых пулемета, более двух батальонов вражеских солдат и офицеров". Приказом Военного Совета 1-го Украинского фронта за № 9/н от 20.01.44 г. награжден орденом Красного знамени посмертно.

ПОРТНОВ Лев Самсонович, 1898 г.р., Одесса. Подполковник. Заместитель начальника политотдела 213-й стр. див. Кадровый военный с 1919 г. К званию Героя представлен 18.10.43 г. Из наградного листа: "28.9.43 г. при наступлении большого количества танков противника на Мишуриный Рог, когда находящиеся там части дрогнули, подполковник Портнов принял на себя командование батареей, которая прямой наводкой отразила танковую атаку противника". Приказом Военного Совета 7-й гв. армии за № 290/н от 31.10.43 г. награжден орденом Красного знамени.

ПОРТОН Арон Давидович, 1909 г.р., с. Ходорков Попельнянского р-на Житомирской обл., Украина. Капитан. Командир стр. батальона 4-го Тартуского сп 98-й Ропшинской Краснознаменной сд. К званию Героя представлен 14.10.44 г. Из наградного листа: "Капитан Портон в ночь с 13 на 14.10.44 г., имея боевую задачу, первым форсировал Западную Двину, на плацдарме захватил две пушки противника, направил их против немцев". Приказом

Военного Совета 1-й Ударной армии за № 428/н от 21.12.44 г. награжден орденом Красного знамени. После войны жил в Ленинграде. С 1960 г. работал директором 429-й средней школы, преподавал русский язык, литературу, логику и психологию. В 1985 г. к 40-летию Победы награжден орденом Отечественной войны 1-й ст.

ПЯТИГОРСКИЙ Шимон Бениаминович (Вениаминович), 1912 г.р. Киев. Майор. Заместитель командира 370-го отд. саперного батальона по политчасти 216 сд. К званию Героя представлен 7.11.43 г. Из наградного листа: "В ночь с 1 на 2 ноября 1943 г. майор Пятигорский вместе с саперным батальоном форсировал Сиваш вброд, достигнув Крымского берега. Перед майором Пятигорским была поставлена задача обеспечить переправу основных частей дивизии. В течение 2-х суток саперы под руководством Пятигорского работали на переправе по пояс в воде, и задание было выполнено". Приказом Военного Совета 51-й армии за № 127/н от 25.12.43 г. награжден орденом Отечественной войны 1-й ст.

РАВИКОВИЧ Изя Ильич, 1920 г.р. Лейтенант. Зам. командира батальона по политчасти 315 сп 19 сд. К званию Героя представлен 27.03.44 г. Из наградного листа: "При форсировании Южного Буга в р. не с. Александровка Одесской обл. 26.03.1944 г. первый с группой бойцов переправился через реку, смело и решительно повел группу в атаку". Приказом Военного Совета 57-й армии за № 42/н от 12.04.44 г. награжден орденом Красного знамени. В 1985 г. к 40-летию Победы ветеран войны Равикович награжден орденом Отечественной войны 1-й ст.

РАДОВИЛЬСКИЙ Наум Соломонович, 1919 г.р., Остер Черниговской обл. Капитан.

Командир истребительно-противотанковой батареи 219-й танковой Кременчугской Краснознаменной орденов Суворова и Кутузова бригады. К званию Героя представлен 6.05.45 г. Из наградного листа: "29.04.45 г. в бою в районе Шарлотенбург гор. Берлин выкатил два орудия на прямую наводку и в течение 14 часов расстреливал немецкую пехоту, во время боя вышли из строя 4 человека, Радовильский сам стал к орудиям и в неравном бою уничтожил 4 противотанковых орудия, 6 пулеметов и до 120 солдат и офицеров противника". Приказом командующего бронетанковыми и механизированными войсками 1-го Белорусского фронта за № 54/н от 30.05.45 г. награжден орденом Красного знамени.

РЕЗНИК Леонид Яковлевич, 1917 г.р., Одесса. Гв. ст. лейтенант. Аджутант штаба 10-го гв. бронеавтомобильного батальона. Отличился при форсировании Днепра в районе Козинцы-Зарубинцы и на Букринском плацдарме. Из наградного листа: "12.10.43 г. вывел танки на Мал. Букрин и овладел им, отбив все атаки немцев". К званию Героя представлен 25.10.43 г. Приказом Военного Совета 40-й Армии за № 15/н от 18.11.43 г. награжден орденом Отечественной войны 1-й ст.

РЕЙМ Леонид Григорьевич, 1924 г.р., Бершадь Винницкой обл. Гв. ст. сержант. Командир отделения автоматчиков мотострелкового батальона 21-й гв. механизированной бригады. К званию Героя представлен 25.03.44 г. Отличился в ходе форсирования Днестра 24 марта 1944 г., первым ворвался в рощу, где оборонялся противник, завязав ночной бой и обеспечив переправу других подразделений без потерь. Приказом Военного Совета 1-й танковой армии за № 16 от 8.04.44 г. награжден орденом Красного знамени. В 1985 г. к

40-летию Победы награжден орденом Отечественной войны 2-й ст.

РОБИНОВИЧ Марк Юрьевич, 1912 г.р., Бережаны Тернопольской обл., Украина. Гв. майор. Корпусной инженер 3-го гв. Сталинградского механизированного корпуса. К званию Героя представлен 5.07.44 г. Из наградного листа: "Под личным руководством гв. майора Робинович были построены 2 переправы под сильной бомбежкой противника, одна через реку Березину и вторая перед рекой. Кроме того, много сделано работ по восстановлению мостов и дорог, разрушенных противником в районах Витебской обл.". Приказом командующего бронетанковыми и механизированными войсками 3-го Белорусского фронта за № 5/н от 7.07.44 г. награжден орденом Красного знамени.

РОЗЕМБЛЮМ (РОЗЕНБЛЮМ) Давид (Давид), 1914 г.р., с. Ободовка Винницкой обл. Гв. ст. лейтенант. Командир дивизиона 299-го гв. Тернопольского минометного полка 10-го гв. танкового Уральско-Львовского Добровольческого корпуса. Награждался двумя орденами Красного знамени, двумя орденами Отечественной войны 1-й ст., орденом Александра Невского, медалью "За взятие Берлина". К званию Героя представлен 31.01.45 г. Из наградного листа: "За штурм сильно укрепленной полосы противника, за форсирование одним из первых Одера 26 января 1945 года и вторжение в фашистское логово, проявленное при этом мужество и героизм, достоин присвоения звания Героя Советского Союза". Приказом Военного Совета 4-й танковой армии за № 103/н от 13.03.45 г. награжден третьим орденом Красного знамени.

РОЗЕНБЕРГ Григорий Исаакович, 1923 г.р. Гв. ст. лейтенант. Командир танковой роты 1-й гв. танковой Чертковской бригады. К званию Героя представлен 13.04.44 г. "за успешное форсирование реки Днестр". Приказом Военного Совета 1-й гв. танковой армии за № 23 от 15.04.44 г. награжден орденом Красного знамени. 6 февраля 1945 г. командир бригады гв. полковник Темник представил Розенберга к званию Героя вторично. И во второй раз это ходатайство не получило поддержки со стороны вышестоящего командования. Приказом Военного Совета 1-й гв. танковой армии за № 17/н от 11.03.45 г. награжден орденом Отечественной войны 1-й ст.

РОЙЗИН Абрам Литманович, 1921 г.р., Дубоссары, Молдавия. Мл. лейтенант. Командир взвода 658-го отд. саперного батальона 372-й Новгородской сд. К званию Героя представлен 22.06.44 г. Отличился в боях за Выборг. Из наградного листа: "Его взвод снял 1130 противотанковых мин в течение 4-х часов наступления... На подступах к Выборгу, когда враг открыл сильный огонь по танкам, мл. лейтенант выдвинулся вперед, чтобы разминировать важные участки дороги. При штурме Выборга мл. лейтенант Ройзин убит вражеской пулей у ведущего танка". Место захоронения: Выборг, Ленинградская обл.

РУБИНШТЕЙН Иоил Абрамович, 1923

г.р., Одесса. Гв. лейтенант. Командир огневого взвода 219-го легкого артиллерийского Краснознаменного полка 4-й гв. легкой артиллерийской Севастопольской Краснознаменной бригады. К званию Героя представлен 8.03.45 г. Подвиг совершил 25.02.45 г. в Восточной Пруссии, в районе юго-западнее г. Викау. Из наградного листа: "Отбив 2 контратаки противника, разбив 2 станковых пулемета и уничтожив до 40 вражеских солдат, Рубинштейн поднял залегшую пехоту и повел ее в атаку... В коротком, но жестоком бою, тов. Рубинштейн погиб смертью героя". Приказом Командующего артиллерией Земландской группы за № 21 от 31.03.45 г. награжден орденом Отечественной войны 1-й ст. посмертно. Место захоронения: Калининградская обл., Гурьевский район, пос. Орловка, братская могила. Мать Рубинштейн Рахиль Срулевна до войны проживала в Одессе, ул. Чичерина, 80, кв. 10.

РЯБКИН Ефим Соломонович, 1923 г.р., Кременчуг Полтавской обл. Ст. лейтенант. Командир батареи 687-го артиллерийского полка 236-й сд. К званию Героя представлен 27.10.43 г. Из наградного листа: "В ночь с 27 на 28 сентября 1943 года ст. лейтенант Рябкин переправил батарею на правый берег Днепра и занял огневые позиции в боевых порядках пехоты. 28 сентября 1943 г. огнем своей батареи отразил пять контратак противника, подбил один танк, уничтожил два станковых пулемета и до двухсот солдат и офицеров противника". Приказом Военного Совета 46-й армии за № 44/н от 5.11.43 г. награжден орденом Красного знамени. Заместитель командира дивизиона капитан Рябкин умер от ран 29.08.44 г. в эвакогоспитале № 492. Мать Рябкина Мария Менделевна до войны жила по адресу: Кременчуг, ул. Пролетарская, 17.

СЕГАЛ Ида Нухимовна, 1923 г.р., пос. Кодыма Одесской обл. Гв. лейтенант. Комсорг стрелкового батальона 744 сп 149-й сд. К званию Героя представлена 17.10.43 г. Из наградного листа: "В боях с немецкими захватчиками при форсировании Днепра в ночь с 15 на 16 октября 1943 года показала образец героизма и отваги, возглавляя группу бойцов в количестве 10 человек, первая по дивизии переправилась на правый берег реки Днепр, создала плацдарм для переправы других подразделений... Сегал во главе своей группы пробралась в тыл врага, посеяв панику среди боевых порядков противника". Приказом Военного Совета 65-й армии за № 209/н от 28.10.43 г. награждена орденом Красного знамени. В 1985 г. к 40-летию Победы награждена орденом Отечественной войны 2-й ст. В списке отличившихся воинов 149 сд (32 чел.), опубликованном в Википедии, имя Иды Нухимовны Сегал отсутствует.

СИРОТА Борис Исаакович, 1922 г.р., Одесса. Воентехник 2-го ранга. Командир танка 424-го танкового батальона 23-й танковой бригады. Представлен к званию Героя 29.06.42 г. Из наградного листа: "Воентехник 2-го ранга Сирота, командуя экипажем танка, прорвал три линии обороны противника и соединился со 2-й Ударной армией. Танк уничтожил 8 дзотов,

6 ПТО и до 150 человек пехоты противника". Приказом Военного Совета Волховского фронта за № 126/н от 4.11.42 г. награжден орденом Ленина. В 1985 г. к 40-летию Победы награжден орденом Отечественной войны 1-й ст.

СЛОНИМСКИЙ Марк Александрович, 1923 г.р., Ленинград. Лейтенант. Начальник разведки дивизиона 293-го минометного полка 32-й отд. Минометной бригады. К званию Героя представлен 16.10.44 г. Из наградного листа: "Минометным огнем, руководимым Слонимским, уничтожено две противотанковых пушки, три зенитных пушки, одна минометная батарея, шесть станковых пулеметов, убито до роты пехоты противника". Приказом командующего артиллерией 1-го Белорусского фронта за № 133 от 11.11.44 г., награжден орденом Отечественной войны 1-й ст. Ст. лейтенант Слонимский погиб в бою 27.04.45 г. Место захоронения: д. Колов, Бранденбург, Германия.

СМЕТАНИН Леонид Абрамович, 1921 г.р. Гв. капитан. Командир стр. роты 228-го гв. Кишиневского сп 94-й гв. Звенигородской ордена Суворова сд. К званию Героя представлен 6.02.45 г. Погиб в бою 3.02.45 г. Из наградного листа: "При форсировании реки Одер и занятии плацдарма на левом берегу Сметанин отбил 6 контратак противника, уничтожив при этом до 150 солдат и офицеров. В этих боях взял в плен 75 фашистов...". Приказом по войскам 28-го стр. корпуса за № 18/н от 14.02.45 г. награжден орденом Отечественной войны 1-й ст. посмертно. Место захоронения: Германия, Кюстринский р-н, д. Кенитц, северная окраина. Сестра Сметанина Ася Абрамовна в годы войны жила по адресу: Челябинская обл., Магнитогорск.

СМОЛИЧ Петр Лазаревич, 1918 г.р., мест. Морды Седлецкого р-на, Люблинское воеводство, Польша. Сержант. Командир саперного отделения 275-го отд. инженерно-саперного батальона. К званию Героя представлен 22.08.44 г. Отличился в ходе форсирования Вислы. Из наградного листа: "Будучи старшим паромного расчета за одну ночь под интенсивным пулеметным и артиллерийским огнем противника переправил на левый берег реки 5 пушек и соответствующее количество боеприпасов к ним". Приказом Военного Совета 3-й гв. армии за № 123 от 16.09.44 г. награжден орденом Красного знамени. В 1985 г. к 40-летию Победы награжден орденом Отечественной войны 2-й ст.

СМОЛЯНСКИЙ Яков Ефимович, 1903 г., Белая Церковь Киевской обл. Капитан. Заместитель командира дивизиона по строевой части 297-го арtpолка 121-й Рильско-Киевской сд. К званию Героя представлен 16.10.43 г. Из наградного листа: "Лично руководил переправой всей артиллерии дивизиона через Сейм, Десну, Днепр... Командир дивизиона был убит. Смолянский смело принял командование дивизионом на себя. Открыл огонь по противнику. Сопrotивление противника было сломлено". Приказом Военного Совета 60-й армии за № 17/н от 29.01.44 г. награжден орденом Красного знамени.

СОКОЛОВСКИЙ Григорий Павлович, 1924 г.р., Херсон. Капитан. Командир бата-

реи 642-го пушечного артиллерийского ордена Ленина Краснознаменного полка 24-й пушечной артиллерийской Краснознаменной бригады. К званию Героя представлен 30.04.45 г. Из наградного листа: "Батарея капитана Соколовского с дистанции 80 метров расстреливала в упор узлы сопротивления. Вражеской пулей был убит наводчик орудия. Соколовский встал к панораме и продолжал вести стрельбу... Соколовский в боях за Берлин находился на самых ответственных участках". Приказом командующего артиллерией группы советских оккупационных войск в Германии за № 15 от 2.10.45 г. награжден орденом Александра Невского. В 1985 г. к 40-летию Победы награжден орденом Отечественной войны 1-й ст.

СОХРИН Наум Юдович, 1914 г.р., Орша Витебской обл. Гв. сержант. Командир орудия 186-го гв. арtpолка 84-й гв. Карачевской ордена Суворова сд. К званию Героя представлен 19.07.44 г. Погиб в бою 16.07.44 г. Из наградного листа: "Противник перешел в третью контратаку, превосходящими силами окружил орудие, подойдя к огневой позиции на 15-30 метров. Снаряды были на исходе, и из автоматов начали расстреливать наседавших фашистов, лично Сохрин выпустил 4 диска, при этом расстрелял до 20 фашистов". Приказом Военного Совета 11-й армии за № 136/н от 24.09.44 г. награжден орденом Отечественной войны 1-й ст. посмертно. Место захоронения: Литва, Вилковская волость. Жена Сохрин Софья Давыдовна до войны проживала по адресу: Витебская обл., Орша, ул. Пролетарская, 52. Брат Сохрин Борис Юдович, 1912 г.р., политрук роты. Погиб в бою 22.08.42 г. Место захоронения д. Карманово, Смоленская обл.

ТАРТАКОВСКИЙ Борис Наумович, 1916 г.р., Новобугский р-н Николаевской обл. Ст. лейтенант. Заместитель командира стр. батальона 43-госп 106-й Забайкальской сд. К званию Героя представлен 19.10.43 г. Погиб в бою 16.10.43 г. Из наградного листа: "В боях за переправу Днепра Тартаковский проявил героизм. Руководил переправой. Во время переправы осколком от снаряда т. Тартаковский был убит". Приказом Военного Совета 65-й армии за № 203/н от 28.10.43 г. награжден орденом Отечественной войны 1-й ст. посмертно. Место захоронения: Черниговская обл., Репкинский район, с. Задереевка, центр села, братская могила. Вместе с ним захоронены мл. лейтенант Клейман Ефим Фроимович, мл. сержант Новицкий Михаил Ефимович, рядовые Новик Ефим Маркович, Рожанский Абрам Львович. Жена Тартаковского Баркас Клавдия Марковна в годы войны проживала по адресу: Ташкент, ул. Первомайская, 8, кв. 2.

ФЕНДЕЛЬ Борис Борисович, 1914 г.р. Гжатск (ныне Гагарин) Смоленской обл. Гв. ст. сержант. Наводчик орудия 82-го отд. гв. истребительного противотанкового дивизиона 74-й гв. сд. К званию Героя представлен 20.05.44 г. Из наградного листа: "На орудие, где был наводчиком, шло два танка и самоходная пушка "Фердинанд". Танки были подпущены на 100 метров, двумя выстрелами Фендель подбил головной танк, пятым выстрелом заклинило башню вто-

рого танка... Герой-наводчик Фендель был убит. Но танки врага не прошли". Дата гибели 18 мая 1944 г. Место захоронения: д. Шерпины, Молдавия. Приказом по войскам 29-го гв. стр. корпуса награжден орденом Отечественной войны 1-й ст. посмертно.

ФИНКИЛЬШТЕЙН Израиль Григорьевич, 1911 г.р., Керчь. Рядовой. Разведчик 9-го отд. моторизованного понтонно-мостового батальона. Отличился в ходе Берлинской операции. К званию Героя представлен 26.04.45 г. Из наградного листа: "Находясь в разведгруппе с 1944 г. т. Финкильштейн ходил в разведку более 70 раз и всегда точно в срок доставлял ценные сведения". Приказом Военного Совета 2-го Белорусского фронта за № 560 от 28.05.45 г. награжден орденом Красного знамени.

ФРАНКЕ Василий Исаакович, 1912 г.р., Винница. Сержант. Командир отделения пулеметной роты 31-й стр. бригады. Отличился в боях в конце января - начале февраля 1942 г. в районе Великих Лук. Погиб 4.02.42 г. Место захоронения: Калининская обл., Великие Луки. К званию Героя представлен 7.02.42 г. Из наградного листа: "Отразив две атаки противника, расчет пулемета потерял первого и второго номера. Враг приближался. За пулемет стал сержант Франке и своим метким огнем отбил третью атаку фашистов". Приказом Военного Совета Калининского фронта за № 91 от 17.03.42 г. награжден орденом Красного знамени посмертно.

ХАИТОВ Каландар Абрахимович, 1921 г.р., Таджикистан. Гв. ст. сержант. Помощник командира взвода разведки 53-й гв. танковой Фастовской Краснознаменной ордена Богдана Хмельницкого бригады. Награждался орденами Красной звезды, Александра Невского, Отечественной войны 2-й ст. К званию Героя представлен 15.08.44 г. Из наградного листа: "В боях по удержанию плацдарма на зап. берегу Вислы неоднократно выполнял задания командования, действуя как в тылах противника, так и непосредственно перед его передним краем... Будучи раненым 7 раз, лишь в трех случаях тяжелых ранения находился в госпитале, оставаясь в остальных случаях непосредственно в строю". Указом Президиума Верховного Совета СССР от 23.09.44 г. награжден орденом Ленина.

ХАРМАЦАС Мотелис Маушевич, 1914 г.р., Уклярге, Литва. Ст. сержант. Командир орудия 224-го арtpолка 16-й Литовской сд. К званию Героя представлен 16.10.44 г. В ходе боя 13.10.44 г. в районе Тильзита отбил атаку 12-ти вражеских танков. Приказом Военного Совета 2-й гв. армии 18.01.45 г. награжден орденом Отечественной войны 1-й ст.

ХАСИН Борис Михайлович (Мошкович), 1922 г.р., с. Уланов Хмельницкого р-на Винницкой обл. Гв. ст. лейтенант. Старший механик-водитель 33-го отд. гв. тяжелого танкового полка. Отличился в апрельских боях 1945 г. К званию Героя представлен 1.05.45 г. Из наградного листа: "Танк, ворвавшись в оборону противника, огнем и гусеницами

ДВА ПИСЬМА СТАЛИНУ, или "ЕВРЕЙСКИЙ ВОПРОС" В МИКРОБИОЛОГИИ

Елена ЯНКЕЛЕВИЧ

Мечников против антисемитов. Внук известного еврейского публициста и просветителя Льва Неваховича, великий русский микробиолог и физиолог Илья Мечников, потеряв первую жену, умершую от туберкулеза, решил всю дальнейшую жизнь посвятить борьбе с инфекционными заболеваниями. Когда вторая жена Мечникова заразилась брюшным тифом, ученый сам ввел себе раствор тифозных бактерий. К счастью, и Мечников, и его жена, ставшая впоследствии помощницей ученого, выжили и продолжили работу.

Мечников работал в Новороссийском университете в Одессе, но вскоре вышел в отставку в знак протеста против антисемитизма и реакционной политики царского правительства в области просвещения. После этого Мечников организовал в Одессе частную лабораторию, а затем совместно с другим знаменитым микробиологом Николаем Гамалеем организовал вто-

Илья Мечников

рую в мире и первую русскую бактериологическую станцию для борьбы с инфекционными заболеваниями.

В 1887 Мечников покинул Россию и переехал жить и работать в Париж, где ему была предоставлена лаборатория в созданном Луи Пастером институте. Связей с Россией Мечников никогда не порывал, и его лаборатория всегда была открыта для русских ученых, однако, несмотря на многочисленные предложения вернуться на родину, ученый отвечал неизменным отказом. Вот проясняющий позицию Мечникова фрагмент из одного из писем ученого.

"Начать с того, что (в России) я не был бы, как здесь, свободен в выборе моих товарищей и учеников. Между тем я не могу рассчитывать на то, чтобы, например, докторам Безредка и Вольману были предоставлены места в институте, так как д-р Безредка и д-р Вольман - евреи. Оба они даровитые ученые, пользующиеся известностью вследствие своих работ, своих несомненных заслуг, но они - евреи, и потому двери института были бы для них закрыты, как оказались они закрытыми для другого моего ученика, д-ра Бардаха, тоже еврея. Рекомендация моя успеха не имела, и наука потеряла даровитого работника, принужденного заниматься частной медицинской практикой, вместо того чтобы следовать своему призванию. С меня довольно и этого опыта".

Многочисленные работы Мечникова по бактериологии посвящены вопросам эпи-

демиологии холеры, брюшного тифа, туберкулеза, сифилиса и других инфекционных заболеваний. В 1908 году ученый был удостоен Нобелевской премии в области физиологии и медицины (совместно с Паулем Эрлихом).

Письма Сталину, оставшиеся без ответа. Ученик и соратник Мечникова, знаменитый русский советский врач, микробиолог и эпидемиолог Николай Гамалеев, основавший вместе со своим учителем первую в России бактериологическую станцию в Одессе (ныне - НИИ им. Мечникова), внес огромный вклад в российскую и мировую науку об эпидемиях, а точнее, о том, как их предотвращать. Гамалеев тоже писал письма по поводу насаждаемого сверху антисемитизма, причем писал самому грозному Сталину.

В разгар борьбы с космополитизмом, а по сути истерической антисемитской кампании, развернутой в СССР после войны, 90-летний профессор, лауреат Сталинской премии, вступивший в ВКП(б) во исполнение данного когда-то Ленину обещания, писал Сталину:

"Для меня, как и для многих моих друзей и знакомых, является совершенно непонятным и удивительным факт возрождения такого позорного явления, как антисемитизм, который вновь появился в нашей стране несколько лет тому назад и который, как это ни странно, начинает вновь распускаться пышным цветом, принимая многообразные виды и формы. <...> Судя по совершенно бесспорным и очевидным признакам, вновь появившийся антисемитизм идет не снизу, от народных масс, сре-

Николай Гамалеев

ди которых нет никакой вражды к еврейскому народу, а он направляется сверху чьей-то невидимой рукой. Антисемитизм исходит сейчас от каких-то высоких лиц, заседающих в руководящих партийных органах, ведающих делом подбора и расстановки кадров. <...>. Ответа на это письмо Гамалеев не получил. И в феврале 1949 года, в свой 90-й день рождения, он написал Сталину второе письмо, не менее отчаянное:

"Пользуясь случаем, хочу обратиться к Вам с одной просьбой, не имеющей личного характера, но имеющей большое общественное значение. <...> От пришедших поздравить меня лиц я узнал, что арестованы мои близкие (еврейские) друзья <...> Эти аресты, как мне думается, являются проявлением одной из форм того антисе-

митизма, который, как это ни странно, пышным цветом расцвел в последнее время в нашей стране. <...> Я просил бы Вас лично не допустить произвола и осуждения невинных лиц, которые могут стать жертвами антисемитизма со стороны отдельных сотрудников министерства внутренних дел, творящих иногда такие дела, за которые приходится краснеть и переносить тяжелые моральные переживания преданным своей Родине гражданам нашей страны".

29 марта 1949 года Николай Гамалеев скончался, так и не дождавшись ответа от Сталина на свои письма. Похоронен на Новодевичьем кладбище. Наверно, к счастью, что Гамалеев не дожил до позорного дела врачей.

Охотник на вирусы. Была в нашем советском детстве замечательная книжка Михаила Инина "Некто или нечто". О вирусах и вирусологии и о том, как русские и советские ученые совершили прорыв в этой области. И, конечно, в этой книжке упоминался советский иммунолог и вирусолог, создатель отечественной школы медицинской вирусологии, лауреат Сталинской премии Лев Зильбер, родной брат Вениамина Каверина, автора "Двух капитанов" и "Открытой книги". Своего брата Каверин сделал прототипом героя "Открытой книги" Андрея Львова, а первая жена Зильбера - советский ученый-микробиолог и эпидемиолог, создатель отечественного пенициллина Зинаида Ермольева стала прообразом главной героини трилогии Татьяны Власенковой.

Судьба обоих мужей Ермольевой сложилась трагически - оба были репрессированы. Впрочем, Льву Зильберу удалось не только выжить, но и вернуться к научной работе, удостоиться Сталинской премии и даже, согласно легенде, услышать от Сталина личные извинения (последнее, видимо, все-таки скорее из области домыслов).

Зильбер родился в 1894 году в многодетной высокообразованной семье капельмейстера 96-го пехотного Омского полка Абея Зильбера и владелицы музыкальных магазинов Ханы Дессон. Всего в семье было шестеро детей, все они получили блестящее образование и стали известными людьми. Лев Зильбер связал свою жизнь с микробиологией, эпидемиологией и только-только зарождающейся вирусологией. Ученый руководил подавлением вспышки чумы в Нагорном Карабахе в 1930 году, после чего был сначала награжден орденом Красного знамени, а затем арестован по обвинению в том, что именно он якобы и заразил чумой карабахское население. Тогда Зинаида Ермольева отстояла мужа в первый раз, и Зильбера освободили.

После освобождения он работал в Москве, где возглавлял несколько микробиологических кафедр. В 1934 году его уси-

Лев Зильбер

лиями была создана Центральная вирусная лаборатория при Наркомздраве РСФСР и открыт отдел вирусологии в Институте микробиологии АН СССР.

В 1937 году Зильбер возглавил дальневосточную экспедицию наркомздрова СССР по изучению неизвестного инфекционного заболевания центральной нервной системы. Оказалось, это был смертельно опасный вирусный энцефалит, который косил людей, оказавшихся в тех местах не только по своей воле, но и по приговору суда.

Во время экспедиции Зильберу и его группе удалось не только выяснить природу клещевого энцефалита, но и разработать методы борьбы с ним.

И - удивительное совпадение - сразу по возвращении он был вновь арестован за то, что якобы хотел заразить Москву энцефалитом, вылив вирусную культуру в водопровод (отметим, что такой путь заражения энцефалитом в принципе невозможен).

Находясь в заключении в Печерском лагере, Зильбер не забывал, что он ученый, и для спасения заключенных от косившей их пеллагры разработал способ получения витаминного препарата из ягеля, чем спас тысячи жизней.

В 1939 году Зильбер был освобожден и стал заведующим отделом вирусологии в Центральном Институте эпидемиологии и микробиологии наркомздрова СССР, однако менее чем через год его снова арестовали, предположительно, за категорический отказ участвовать в разработке бактериологического оружия. Попав в химическую "шарашку", Зильбер начал изучать природу рака, используя для этого мышей и крыс, "купленных" у эзков за махорку. Именно Зильбер впервые обнаружил, что некоторые раковые опухоли имеют вирусную природу.

В марте 1944 года, накануне своего 50-летия, Зильбера наконец окончательно освободили, по-видимому, благодаря бешеным усилиям все той же Зинаиды Ермольевой, которая организовала коллективное письмо в защиту ученого, подписанное ведущими советскими врачами и братом Зильбера писателем Вениамином Кавериним.

Летом 1945 года Лев Зильбер разыскал угнанных в Германию жену и детей, где те провели три с половиной года. В том же году ученый был удостоен Сталинской премии, избран действительным членом Академии медицинских наук и возглавил Институт эпидемиологии, микробиологии и инфекционных болезней АМН СССР, где и проработал до конца жизни.

Санкт-Петербургская синагога

Окончание. Начало на стр.1

уничтожал его живую силу и технику... Хасин, умело управляя своей машиной, отлично ориентируясь, под ураганным огнем противника обеспечил успех". Приказом командующего бронетанковыми и механизированными войсками 1-го Белорусского фронта за № 64/н от 30.05.45 г. награжден орденом Красного знамени.

ЧАЛКОВ Григорий Айзикович, 1909 г.р., Одесса. Гв капитан. Заместитель командира 53-й гв. танковой бригады по тылу. К званию Героя представлен 3.05.45 г. Из наградного листа: "В ожесточенных условиях сложного марша, напряженных и ожесточенных боев личным примером и мужеством, хорошей организацией, всеми видами материального обеспечения способствовал успешным боевым действиям бригады и выходу ее к сердцу фашистского логова - Берлину". Приказом Военного Совета 3-й гв. танковой армии за № 108/н от 9.11.45 г. награжден орденом Красного знамени. В 1985 г. к 40-летию Победы награжден орденом Отечественной войны 1-й ст.

ЧЕРНОВ Моисей Файлович, 1920 г.р., Минск. Сержант. Помощник командира саперного взвода 843-го сп 238-й Карачевской сд. Отличился в ходе форсирования Днепра в районе Могилева. К званию Героя представлен 16.07.44 г. Из наградного листа: "Переправившаяся пехота продвигаться вперед не могла. Тогда Чернову была дана боевая задача - обезвредить фугасы и сделать проходы для продвижения пехоты... Боевая задача Черновым была выполнена отлично". Приказом Военного Совета 49-й армии за № 89/н от 2.09.44 г. орденом Красного знамени. Однако отважный воин не успел получить награду: 6 сентября 1944 г. сержант Моисей Файлович Чернов погиб в бою.

ЧЕРНОМОРДИК Рахмил Меневич (Шепович), 1921 г.р. Гв. лейтенант. Переводчик штаба 83-го гв сп 33-й гв. сд. Отличился в боях 18-20 февраля 1943 г. К званию Героя представлен 23.02.43 г. Из наградного листа: "В момент атаки немецких танков возглавил группу бойцов и повел их в контратаку. Немцы не выдержали и повернули обратно". Приказом Военного Совета 2-й гв. армии за №96/н от 27.03.43 г. награжден орденом Красного знамени.

ШАУЛОВ Хаскин Федотович, 1908 г.р. Сержант. Командир отделения 82-мм минометов 920 сп 247-й сд. К званию Героя представлен 11.09.43 г. Подвиг совершил 13-14 августа 1943 г. в составе группы минометчиков, которая вела кровопролитный бой, отражая неоднократные контратаки противника. Когда мины были израсходованы, минометчики взяли за винтовки и автоматы. Но вскоре вышли и патроны. Бойцы вступили в рукопашную схватку и погибли в неравной борьбе. Все 19 минометчиков были представлены к званию Героя Советского Союза посмертно. Из наградного листа: "В числе 19 храбрых минометчиков в этом бою показал образцы бесстрашия, мужества и отваги, до конца выполнив воинскую присягу, и минометчик сержант Шаулов Хаскин Федотович". Приказом Военного Совета

10-й армии в сентябре 1943 г. Шаулов, как и его боевые товарищи, был награжден орденом Отечественной войны 1-й ст посмертно. Место захоронения: с. Буднянское Спас-Деменского р-на Калужской обл. Жена, Аронова Келия Заевна, в годы войны жила в Орджонидзевском крае.

ШАХНОВИЧ Айзик Григорьевич, 1925 г.р., Ханларский р-н, Азербайджан. Ефрейтор. Снайпер 419-го сп 149-й сд. К званию Героя представлен 22.10.43 г. Из наградного листа: "Тов. Шахнович в боях при форсировании Днепра 16.10.43 г. под населенным пунктом Щитки проявил героизм и мужество, первым переправился на правый берег реки Днепр, рвался в траншею противника, вступил в рукопашную схватку, где героически погиб". Приказом Военного Совета 65-й армии за № 215/н от 5.11.43 г. награжден орденом Отечественной войны 1-й ст. посмертно. Место захоронения: Черниговская обл., Любечский р-н, в 2-х км северо-западнее д. Лопатино, правый берег реки. Отец, Шахнович Григорий Моисеевич.

ШВАРЦМАН Иосиф Абрамович, 1919 г.р., Умань. Гв. ст. лейтенант. Командир саперной роты 131-го гв. отд. саперного батальона 10-го гв. танкового корпуса. К званию Героя представлен в марте 1945 г. Из наградного листа: "В ночь с 25 на 26.01.45 г. приступил к постройке переправы через Одер. К утру вместе с пехотой в числе первых форсировал Одер и на западном берегу занял плацдарм. Приказом Военного Совета 4-й танковой армии награжден орденом Богдана Хмельницкого.

ШЕХТМАН Абрам Рувимович, 1910 г.р., Овруч Житомирской обл. Гв. капитан. Заместитель командира стр. батальона по политчасти 99-го гв. Краснознаменного сп 31-й гв. сд. К званию Героя представлен 28.04.45 г. Из наградного листа: "В ночь с 25 на 26 апреля 1945 г., под ураганным артиллерийским и пулеметным огнем противника, на подручных средствах с группой бойцов тов. Шехтман переправился на противоположный берег канала (район Пиллау. - И.Ф.), занял плацдарм и закрепился". Приказом Военного Совета 3-го Белорусского фронта награжден орденом Богдана Хмельницкого.

ШИФРИН Юрий Самойлович, 1923 г.р. Полтава. Гв. лейтенант. Комсорг 172-го гв. Краснознаменного сп 57-й гв. Новобугской сд. К званию Героя представлен 20.02.45 г. Из наградного листа: "3.02.1945 г. форсировал Одер вместе с авангардом полка, принимал активное участие в отражении 5 атак противника, старавшегося под прикрытием массированных налетов авиации и артиллерии выбить наши подразделения с плацдарма. В критический момент боя, при отражении 5-й контратаки противника в рукопашной схватке героически погиб". Приказом Военного Совета 8-й гв. армии за № 553/н от 31.03.45 г. награжден орденом Отечественной войны 1-й ст. посмертно. Место захоронения: Германия, Бранденбургская провинция, д. Ротвейн. Отец, Шифрин Самоил Моисеевич, в годы войны жил по адресу: Андижан, Узбекистан.

ШКЛЯР Григорий Морткович, 1902 г.р., д. Пенино Слуцкого р-на Минской обл. Капитан. Заместитель командира стр. ба-

тальона по строевой части 977-го сп 270-й Демидовской сд. К званию Героя представлен 29.06.44 г. Из наградного листа: "В бою 26.06.44 г. при форсировании Западной Двины в районе д. Надеждино Витебской обл. тов. Шкляр под ожесточенным огнем противника образцово, с исключительной организованностью произвел посадку в лодку и переправил на левый берег реки 9-ю стрелковую роту. Руководя переправой, тов. Шкляр погиб смертью Героя". Приказом Военного Совета 6-й гв. армии за № 154/н от 20.07.44 г. награжден орденом Отечественной войны 1-й ст. посмертно. Место захоронения: Белоруссия, Витебская обл., Бешенковский р-н, пос. Улла, высота 130,5. Жена, Дзыба Людмила Ивановна, в годы войны проживала в Чите.

ШТУЛЬБЕРГ Борис Борисович, 1924г.р., пгтСтараяСиняваСтаросинявского р-на Каменец-Подольской (ныне Хмельницкой) обл. Рядовой. Командир орудия батареи 76-мм пушек 101-го гв. сп 35-й гв. Лозовской Краснознаменной орденов Суворова и Богдана Хмельницкого сд К званию Героя представлен 7.08.44 г. Из наградного листа: "Особенно он показал образцы мужества и отваги 4 августа (1944 г. - И.Ф.), когда противник сосредоточил большую силу пехоты, при поддержке до 10 самоходных орудий пошел в контратаку с целью восстановить свое положение и сбросить наши части в реку (Вислу. - И.Ф.). Тов. Штульберг под сильным артиллерийским и минометным огнем развернул свою пушку, подпустил пехоту на близкое расстояние и расстреливал ее в упор". Приказом Военного Совета 8-й гв. армии за № 312/н от 31.08.44 г. награжден орденом Красного знамени.

ШУЛЬДИНЕР Исаак Соломонович, 1913 г.р., с. Ново-Ковно Сталиндорфского р-на Днепропетровской обл. Ст. лейтенант. Исполняющий обязанности командира стр. батальона 943-го сп 257-й Краснознаменной сд. К званию Героя представлен 11.11.43 г. Из наградного листа: "Четко и быстро сумел организовать весь личный состав на форсирование Сиваша... На крымской земле отлично руководил боем". Приказом Военного Совета 4-го Украинского фронта за № 37/н от 07.12.43 г. награжден орденом Кутузова 3-й ст. В 1985 г. к 40-летию Победы награжден орденом Отечественной войны 1-й ст. Брат, Шульдинер Лазарь Соломонович, 1908 г.р. - участник войны, гв. майор, награжден орденами Красной звезды, Отечественной войны 1-й и 2-й ст.

ШУСТЕР Израиль Давыдович, 1914 г.р., Москва. Ст. лейтенант. Командир понтонной роты 23-го отд. моторизованного понтонно-мостового батальона. К званию Героя представлен 22.10.43 г. Из наградного листа: "Старший лейтенант Шустер в первую ночь форсирования Днепра обеспечил своей ротой переправу первого эшелона артиллерийских подразделений 23 сд. В дальнейшем рота т. Шустер производила переправу тяжелых грузов на 60-тонном пароме". Указом Президиума Верховного Совета СССР от 3.06.44 г. награжден орденом Ленина. Ст. лейтенант Шустер погиб в бою 20.7.44 г. Приказом Военного Совета 3-й гв. армии за № 94/н от 24.08.44 г. награжден орденом

Отечественной войны 1-й ст. посмертно. Место захоронения: Украина, Львовская обл., Сокольский р-н, с. Скоморохи, около церкви. Сестра, Радищева Анна Давыдовна, жила по адресу: Москва, ул. Молчановка, 8, кв. 14.

ШУСТЕР Семен Наумович, 1908 г.р., Симферополь. Капитан. Заместитель командира стр. батальона по политчасти 1040сп295-йХерсонскойКраснознаменной ордена Суворова сд. К званию Героя представлен 13.03.45 г. Из наградного листа: "В период подготовки личного состава к штурму города Кюстрин принимал самое активное участие... Его группа действовала на главном направлении, и успешные их действия способствовали решению общей задачи полка. 8 марта т. Шустер был смертельно ранен". Место захоронения: Германия, Бранденбург, Кюстрин, 10 м западнее дороги Штольберг-Нойдамм, отд. могила №15. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 31.05.45 г. орденом Ленина посмертно.

ЭВЕНЧИК Александр Давыдович, 1918 г.р. Ст. лейтенант. Командир стрелковой роты 126 сп 71-й сд. К званию Героя представлен 12.08.44 г. командиром 24-го стрелкового корпуса гв. генерал-лейтенантом Кириухиным. Из наградного листа: "В бою 25.7.1944 г. его роте была поставлена задача форсировать реку Сан, закрепиться на западном берегу и обеспечить переправу батальона. С исключительной энергией, мужеством и храбростью умело провел эту операцию". Указом Президиума Верховного Совета СССР от 23.09.44 г. награжден орденом Ленина. Заместитель командира стр. батальона Эвенчик погиб в бою 31.01.45 г. Место захоронения: Польша, Быдгошское воеводство, повит Торуньский, д. Шельвельде. Мать, Эвенчик Берта Абрамовна, жила по адресу: Москва, Подколокольный переулоч, 88.

ЭСКИН Григорий Глебович, 1924 г.р. Москва. Гв. старшина. Командир отделения разведки артдивизиона 29-й гв. мотострелковой Унечской ордена Богдана Хмельницкого бригады. К званию Героя представлен 29.01.45 г. Из наградного листа: "Неоднократно находясь в разведке, гв. старшина Эскин Г.Г. доставлял ценные сведения о противнике и, как особо отличившийся при форсировании Одера и штурма укрепленной полосы на территории Германии, достоин правительственной награды - звания Героя Советского Союза". Приказом Военного Совета 4-й танковой армии за №49/н от 10.02.45 г. награжден орденом Красного знамени.

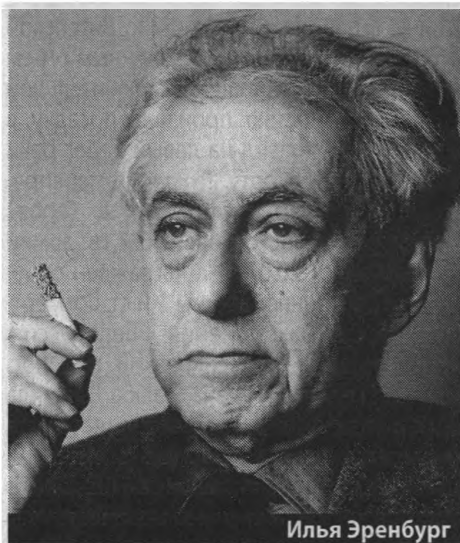
ЮРИСТ Юрий Абрамович, 1910 г.р., Одесса. Лейтенант. Начальник разведки дивизиона 32-го артиллерийского Кишиневского полка 31-й Сталинградской сд. К званию Героя представлен 26.01.45 г. Из наградного листа: "В ночь на 25 января 1945 г. со своей разведкой одним из первых форсировал реку Одер и участвовал в захвате плацдарма юго-восточнее города Бреслау... После сильного нажима со стороны противника наша пехота стала отходить... Юрист принял командование на себя, остановил отход пехоты и организовал отражение контратак противника". Приказом Военного Совета 51-й армии награжден орденом Красного знамени.

ТРАГИЧЕСКИЙ ПУТЬ "ЧЕРНОЙ КНИГИ"

Ханох ДАШЕВСКИЙ

Второй пленум Еврейского антифашистского комитета (ЕАК) состоялся в феврале 1943 г. И хотя накануне было объявлено о капитуляции немецких войск в Сталинграде, лица участников пленума не светились счастьем. Потрясенные, они слушали доклад своего председателя Соломона Михоэлса о невиданной в истории еврейства Катастрофе - тотальном уничтожении еврейского народа. У членов ЕАК и прежде не было иллюзий по поводу происходящего с евреями на оккупированных советских территориях, но то, что они услышали, шокировало вдвойне. И если о беспрецедентной жестокости нацистов было известно и раньше, то новые факты об активном участии местного населения в ограблении и уничтожении своих сограждан подрывали основы советского мировоззрения, наносили серьезный удар по одному из главных аспектов советской пропаганды - дружбе советских народов, внушали опасения и тревогу. На лубочном пейзаже советской действительности эти факты стирали показной лак, за которым открывалась никуда не исчезающая, как оказалось, картина погромов и резни, где были все те же лица, кроме нового персонажа: немецкого хозяина, представителя "высшей расы". Поэтому к спонтанной неуправляемой ненависти прежних времен нужно было прибавить немецкую тщательность и педантичность, а главное - фанатичное стремление достичь поставленной цели. И если раньше еще можно было рассчитывать на то, что, насытившись кровью, разъяренная толпа успокоится или ее успокоят боящиеся народного бунта правители, то на этот раз смерть была неотвратима. Нацистов и их многочисленных добровольных помощников неправильно было бы сравнивать даже со зверьми. Такое "некорректное" сравнение обидело бы зверей, ибо, вырывая овец из стада, волк или стая волков, руководствуясь биологическими инстинктами, не стремятся целенаправленно уничтожить все стадо полностью. Но человек - самый жестокий и опасный хищник на свете - оказался способен на то, перед чем спасовал бы и зверь.

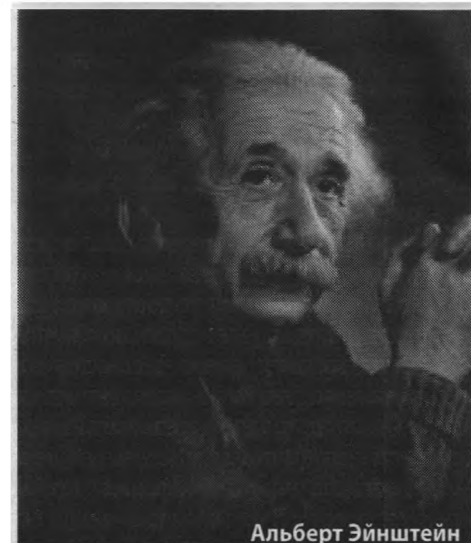
Еврейский антифашистский комитет не мог помочь обреченным собратьям, но он мог сделать другое: оставить в памяти потомков названия городов и местечек, списки имен и фамилий, цифры и даты. И дать описание событий - одну и ту же, совпадающую во многих деталях, монотонную, предсказуемую и оттого еще более ужасную панораму неслыханного в истории человечества уничтожения себе подобных. Так родилась идея "Черной книги". В Советском Союзе у ее истоков стояли два человека, два выдающихся писателя, два разделивших немало роковых заблуждений эпохи еврея - Илья Эренбург и Василий Гроссман. Последний опередил свое время, написав роман "Жизнь и судьба". По приговору одного из ведущих кремлевских идеологов роман не мог

Илья Эренбург

Василий Гроссман

Альберт Эйнштейн

быть издан в СССР, и это, в сущности, свело писателя в могилу. Имевший широкие международные связи, изрядно поживший в Европе Эренбург снискал известность, был обласкан и награжден, стал придворным советским евреем, но имелись в его непростой жизни моменты, которые требовали стойкости и мужества перед лицом властей, и он эти качества проявлял. Эренбург оставил знаменитые мемуары. Дадим ему слово:

"В конце 1943 года, вместе с В.С.Гроссманом, - пишет Эренбург, - я начал работать над сборником документов, который мы условно называли "Черной книгой". Мы решили собрать дневники, частные письма, рассказы случайно уцелевших жертв или свидетелей того поголовного уничтожения евреев, которое гитлеровцы осуществляли на оккупированной территории. К работе мы привлекли писателей Всеволода Иванова, Павла Антокольского, Вениамина Каверина, Лидию Сейфуллину, Переца Маркиша, Маргариту Алигер и других... Мне казалось, что пришло время обнародовать документы об уничтожении фашистами еврейского населения. Я знал, что сухие цифры перестали производить впечатление, и начал собирать дневники и письма, которые передавали мучения, пережитые отдельными людьми... Порой, когда я слушал рассказы очевидцев или читал письма, мне казалось, что я в гетто, сегодня "акция" и меня гонят к оврагу или рву..."

Недостатка в информации о геноциде еврейского населения на оккупированных советских территориях не было: по мере продвижения советских войск на запад, она нарастала, как снежный ком. Сведения поступали в ЕАК и, как свидетельствует Эренбург, непосредственно к нему - во время войны едва ли не самому известному и популярному советскому публицисту. Пропаганда, на которую он работал, твердила об угрозе уничтожения, нависшей над "всеми советскими людьми", но факты с места событий говорили о другом: они назойливо свидетельствовали о той или иной степени вовлеченности немалой части "советских людей" в массовое убийство еврейского населения, начиная от помощи по выявлению евреев до непосредственного участия в "акциях". Это были не

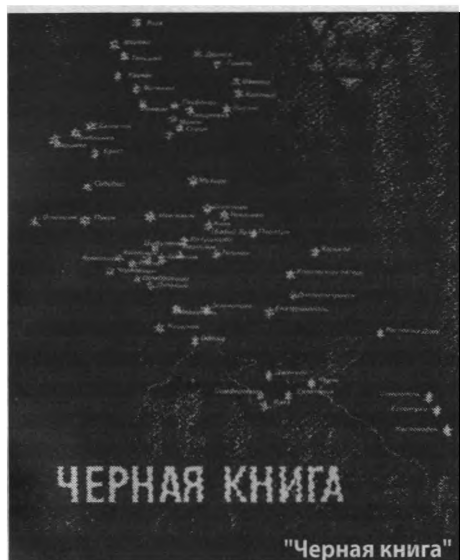
отдельные предатели, враги советской власти, как утверждала все та же пропаганда, но многие из соседей, одноклассников, коллег по работе и добрых знакомых. Об этом надо было как можно меньше упоминать в "Черной книге" и говорить о тех, кто рискуя жизнью, спасал евреев и помогал им. О таких людях действительно говорилось громко. При этом объективная картина происходящего должна была показать, что сама атмосфера одобрения большей частью местного населения того, что впоследствии стали называть Холокостом, помогала нацистам, приводила к тому, что бежавшим из гетто и лагерей в большинстве случаев некуда было деваться: даже добравшись до советских партизан, они могли получить от последних пулю в лоб. Но в планируемом для издания в Советском Союзе сборнике все акценты должны были быть расставлены правильно: коллаборационистов было немного, а большинство советских людей решительно осуждало истребление евреев и оказывало им помощь. Составители "Черной книги" должны были подчеркнуть, что до прихода гитлеровцев национальная гармония царила в СССР, и даже во время оккупации местное население поддерживало евреев и сочувствовало им. И хотя во многих случаях факты говорили об обратном, ничто не должно было запятнать "сталинскую дружбу народов", и в этом вынужденном, но обязательном лукавстве таилась изначальная трагедия "Черной книги", как, впрочем, и других публикаций о Катастрофе еврейского народа на территории Советского Союза. Так была прекращена публикация очерка В. Гроссмана "Украина без евреев" - прекращена из-за того, что некоторые заключения автора могли быть истолкованы, как причастность украинцев к истреблению еврейского населения, а это нарушало выстроенную советскими пропагандистами стройную схему, согласно которой жертвами нацистов были все советские граждане. Но есть свидетельства очевидцев, и они полностью опровергают домыслы агитпропа:

"За несколько дней до прихода немцев, - писал Эренбургу фронтовик А.М.Кармаян, - украинские жители местечка Медведино Киевской области переби-

ли всех евреев до одного, предварительно невероятно поиздевавшись над ними и разграбив... Когда немцы пришли и узнали об этом, они главарей избиения наказали (за то, что те сделали все неорганизованно, а награбленное забрали себе). Остальные удрали. Я боюсь, что эти бандиты, вынужденные неожиданно для самих себя удирать от немцев, которых они ожидали и встречали с радостью, теперь будут считаться борцами за родину..."¹ Остается добавить, что Медведино было не единственным местом, где гитлеровцы останавливали слишком ретивых местных жителей: разумеется, евреи должны были быть уничтожены, но согласно установленному "арийцами" порядку.

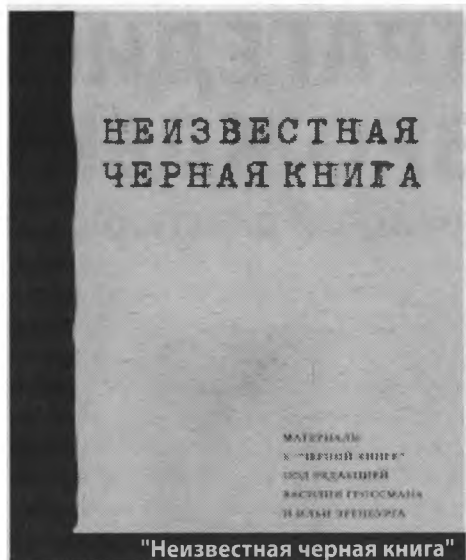
Короткое сообщение о местечке Медведино не вошло в "Черную книгу" Эренбурга и Гроссмана, но вошло в ее продолжение - "Неизвестную Черную книгу", увидевшее свет в 1993 г. собрание неопубликованных свидетельств очевидцев и жертв Катастрофы. "Важным фактором, влиявшим в 40-е гг. на отбор материалов для "Черной книги", были идеологические мотивы, - пишут в предисловии составители "Неизвестной Черной книги", - при подготовке издания из него исключались свидетельства, показывающие участие местного населения в расправе над евреями или отказ помогать последним в спасении. В результате трагедия евреев на оккупированной территории СССР не могла быть объективно отражена в "Черной книге", где главными мотивами должны были стать показ злодеяний гитлеровцев и помощь евреям людей других национальностей".²

Но даже в урезанном виде "Черная книга" однозначно свидетельствовала об исключительном характере еврейской трагедии, и надо полагать, что сама идея создания документального сборника о Катастрофе еврейского народа вряд ли могла бы вообще рассматриваться в Еврейском антифашистском комитете, если бы не обстановка, сложившаяся в Советском Союзе во время войны и, особенно, в первый, неблагоприятный ее период. В условиях, когда Красная армия отступала и вермахт все глубже вклинивался в советскую территорию, все средства были хороши. Разыграть "еврейскую карту",

посредством пропагандистской обработки воздействовать эмоционально на мировое еврейство, означало выйти на тех, кто мог повлиять на политику Запада и прежде всего заокеанского гиганта - США, добиться для СССР крайне необходимой и быстрой помощи. Вот почему уже в июле 1941 г. состоялась встреча еврейских литераторов с заместителем Молотова С. Лозовским. Участники встречи получили предложение немедленно начать сбор материалов об уничтожении еврейского населения на оккупированных территориях для последующей обработки и отправки на Запад. При том, что внутри страны советская власть была крайне скупа на информацию о трагической судьбе еврейского народа, для зарубежных евреев подобную информацию следовало подбирать и специально подготавливать на языке идиш. В наиболее критический для сталинского режима период разбросанные по миру евреи, многие из которых еще помнили города и местечки Восточной Европы, нужны были кремлевскому тирану. Советская пропаганда говорила на двух языках, поэтому в советских газетах сотни тысяч убитых евреев называли минчанами, киевлянами, харьковчанами, но обращаясь к мировой еврейской общественности, Эренбург и другие представители ЕАК говорили о сотнях тысяч еврейских жертв. Являясь частью советской пропагандистской машины, деятели Еврейского антифашистского комитета, как и власть, которой они служили, вынуждены были использовать двойной стандарт, но у нацистов для их соплеменников стандарт был только один.

Еврейский антифашистский комитет был создан весной 1942 г. для обработки мирового, главным образом еврейского, общественного мнения, но уже в августе того же года появился меморандум одного из ведущих партийных идеологов Александрова, предназначенный для того, чтобы привлечь внимание высшего состава ВКП(б) на засилье "нерусских" людей (читай: евреев) в музыкальном искусстве. Почти по Р.Вагнеру - памфлет "Евреи в музыке". Это случилось в тот месяц, когда немецкие дивизии сжимали кольцо вокруг Сталинграда, и свидетельствовало о меняющейся, по воле Сталина, политической линии. До перелома в войне было еще далеко, но уже наметился перелом в "еврейской" политике советского руководства. На что же рассчитывали Эренбург и

Гроссман, выдвинув перед ЕАК идею создания "Черной книги"? Более того, вначале идея "Черной книги" предшествовала другой "крамольная" идея. На том же заседании ЕАК, где присутствовали с содроганием слушали доклад Михоэлса, Эренбург говорил о разгуле антисемитизма в стране под ярлыком "евреев никто не видел на фронте, евреи воюют за Ташкент". Он предложил в ответ на антиеврейскую клевету написать и издать "Красную книгу" - рассказ о героизме еврейских воинов. Но когда о намерениях писателя стало известно партийному руководству, последнее сделало все, чтобы остановить "еврейское бахвальство". В итоге "Красная книга" умерла, не родившись. Не это ли обстоятельство, в числе других, подтолкнуло Илью Эренбурга к созданию "Черной книги"? Пусть мешают писать о героизме, но какие препятствия могут быть к тому, чтобы написать о страданиях, каких еще не знала история, о варварах XX века, которые превзошли древних готов, гуннов и вандалов вместе взятых?

Фактически, история "Черной книги" началась за год до того, как Эренбург (как он сам указывает) вместе с Гроссманом начали систематическую работу по сбору писем и документов. В конце 1942 г. Альберт Эйнштейн, почетный председатель Американского еврейского комитета писателей, ученых и артистов (организации, специально созданной для помощи СССР в войне против нацизма), вместе с известными еврейскими писателями Шоломом Ашем и Бенционом Гольдбергом, обратился в ЕАК с предложением начать сбор материалов об уничтожении еврейского населения на территории Советского Союза для последующего издания книги. В Еврейском антифашистском комитете тоже полагали, что такую книгу надо издать, но руководство ЕАК колебалось: неизвестно было, как отнесутся к идее кремлевские кураторы комитета. Кроме того, американцы настаивали, что трагедия не только советского, но и всего европейского еврейства должна быть представлена в "Черной книге", а сам сборник должен быть издан на Западе. В то время как главный инициатор книги в СССР, Илья Эренбург, считал, что "Черная книга" должна являться собранием документов о геноциде советских евреев, и потому ее надо издать в Советском Союзе. Следует отметить, что Эренбург стал заниматься "Черной книгой" не вследствие обра-

ния Эйнштейна: материалы, которые он получал от случайно уцелевших жертв и очевидцев навели его на мысль о подобном издании еще раньше.

После того как в 1943 г. состоялась поездка С.Михоэлса и одного из ведущих деятелей ЕАК, поэта И.Фефера, в США, стало казаться (и Эренбург упоминает об этом), что "Черная книга" увидит свет. После длительного молчания советское партийное руководство дало санкцию на участие ЕАК в совместном американско-советском проекте. Книга должна была появиться на английском языке в Америке и Британии, при этом часть издания отводилась материалам о евреях СССР. За границей работу осуществляла международная редколлегия, куда вошли представители руководимого Эйнштейном Американского еврейского конгресса и Еврейского национального совета Страны Израиля. В Советском Союзе деятельность по сбору документов и составлению книги координировала созданная специально для этой цели Литературная комиссия ЕАК. И поскольку Эренбург не оставил идею издания "Черной книги" в СССР, зарубежная и советская версии книги стали существовать параллельно. Американская "Черная книга" вышла в 1946 г., советская, за исключением нескольких фрагментов, не увидела света. Могло ли быть иначе?

Основная работа по созданию "Черной книги" развернулась на исходе войны и после нее, но, как уже было сказано, "еврейская политика" Сталина еще в середине войны претерпела изменения. Отрицательную роль сыграли и разногласия в ЕАК между теми, кто соглашался, чтобы книга вышла на Западе, и теми, кто отстаивал издание книги в Советском Союзе. Эти разногласия и дискуссии тормозили деятельность Литературной комиссии, и если допустить, что во время войны еще оставался шанс на издание книги в СССР, то окончание войны должно было перечеркнуть все надежды. Изменилось советское отношение к Германии и ее преступлениям, восточная часть бывшего рейха вошла в орбиту СССР, и спустя некоторое время в Советском Союзе и в зонах его влияния прекратились процессы над гитлеровцами и их пособниками (в СССР они возобновились в 60-е гг.). В такой ситуации книге о страданиях еврейского народа не было места в советском идеологическом пространстве. И хотя рекомендация издать "Черную книгу" была получена и типографский набор осуществлен, книгу не издавали. Она разделила судьбу Еврейского антифашистского комитета, была похоронена вместе с его мучениками, в судьбе которых она сыграла зловещую роль. А тема Катастрофы стала запретной темой, и этот запрет был почти стопроцентным до краха "Страны Советов". Если о чем-то изредка говорилось вскользь, тут же надо было привести примеры самоотверженной помощи, которую русские, украинцы, белорусы и другие оказывали евреям.

Такие примеры были. Автор статьи, уроженец Риги, был знаком с Жанисом (Янисом) Липке, латышским докером, спасшим 56 евреев. Помню его слова, сказан-

ные незадолго до смерти: "Я хотел показать этим людям, что есть и другие латыши". 270 праведников были в Латвии и тысячи в других регионах, но это не меняет и не может изменить общую картину активного и пассивного соучастия большей части нееврейского населения в "окончательном решении". Никто не утверждает, что все должны были помогать евреям: наказание за помощь грозило смертью, в лучшем случае концлагерем. Но и принимать участие в истреблении немцы не заставляли силой. Их расчет с самого начала был правильным, они знали, что недостаток в добровольцах не будет, и не ошиблись. Ошиблись те, кто доверял сталинской пропаганде, верил в сказку о "советском народе", о дружбе и братстве, и не понимал, что лица убийц спрятаны под маской, что они только ждут своего часа, когда им разрешат убивать. Земля, которую называли советской родиной, оказалась такой, какой была всегда - враждебной чужбиной, а евреи на ней - изгоями, у которых нет права на жизнь. При советской власти "Черная книга" не была опубликована, но если бы она увидела свет (и об этом уже говорилось), советская "Черная книга", вынужденно обходя молчанием роль многочисленных представителей местного населения, сняла бы с последних вину, переложив ее полностью на немцев и отдельных соучастников из числа "предателей". При этом погром в местечке Медведино и другие, учиненные исключительно руками местных жителей, остались бы "за кадром". В случае победы нацистов те из пособников, которых, согласно расовой теории, нельзя было "германизировать", могли бы последовать за евреями, но именно в "еврейском вопросе" все были едины: даже воюя с немцами и между собой, украинские и польские "национальные партизаны" убивали евреев.

"В каждом поколении поднимаются против нас", - сказали еврейские мудрецы. Уходит поколение переживших Катастрофу, и снова перед нами охваченные inferнальной ненавистью враги. Но теперь у нас есть государство. "История повторяется дважды, - говорил Гегель, - первый раз, как трагедия, второй - как фарс". "Палестина", когда-то придуманная римлянами для того, чтобы стереть с карты мира и из памяти побежденную Иудею, а сегодня - чтобы стереть с той же карты возродившийся Израиль - фарс, но нельзя пренебрегать серьезностью проблемы, потому что очень серьезны намерения тех, кто хотел бы нас уничтожить. Поэтому нет альтернативы "Черной книге", "Неизвестной Черной книге" и всем дошедшим до нас свидетельствам Катастрофы. К ним мы должны возвращаться и перечитывать, вновь и вновь пытаемся постигнуть то, что не в состоянии постигнуть нормальный человеческий разум. И как в свое время Илья Эренбург, каждый из нас должен мысленно пройти с нашими братьями и сестрами их последний путь, потому что вместо них и за них живем мы сегодня в своей стране.

¹"Неизвестная Черная книга". Москва-Иерусалим, 1993, стр.165

²Там же, стр.29-30

ВЫРАЗИТЬ ТРАГЕДИЮ, ВОСПЕТЬ ВОЗРОЖДЕНИЕ

художники восточноевропейской еврейской диаспоры после Холокоста

Алек Д. Эпштейн, чьи публикации хорошо знакомы читателям нашего ежемесячника, подготовил к печати новую книгу. Масштабный альбом, озаглавленный "Экспрессионизм трагедии и возрождения: художники восточноевропейской еврейской диаспоры после Холокоста", издается Еврейским обществом поощрения художеств. Мы попросили д-ра Эпштейна рассказать об этом беспрецедентном проекте подробнее.

Эта книга необычна, и даже библиотекарю, работающую с изданиями по искусству, едва ли знакомы с именами большинства художников, чьи работы и судьбы разбираются на ее страницах. При этом работы великолепные, а судьбы - потрясающие...

Так сложилось, что для мирового искусствоведения в качестве представителя еврейского искусства был вполне достаточно один Марк Шагал, создавший за свою необычайно длинную творческую жизнь, продолжавшуюся более восьмидесяти лет, тысячи произведений, находящихся ныне в сотнях музеев и частных собраниях по всему миру. Шагал, родившийся в Витебске, учившийся рисовать в Санкт-Петербурге, нашедший своего первого коллекционера и ценителя Я.Ф.Каган-Шабаша в Москве, проведший первую выставку в Берлине, проживший большую часть жизни во Франции, за исключением времени Второй мировой войны, когда ему удалось спастись, эмигрировав в США, и украсивший своими работами здание израильского парламента, был достаточно мировой культурологией как аутентичный представитель современного еврейского искусства, выкристаллизовавшегося в Восточной Европе. Но, каким бы высокоодаренным ни был один человек, он, разумеется, представить целое поколение творческих людей, живших в разных странах, не может. Именно в попытке заполнить эту зияющую лауну и была подготовлена эта книга, за что самой глубокой и искренней благодарности заслуживает Еврейское общество поощрения художеств, позволившее этому проекту быть реализованным.

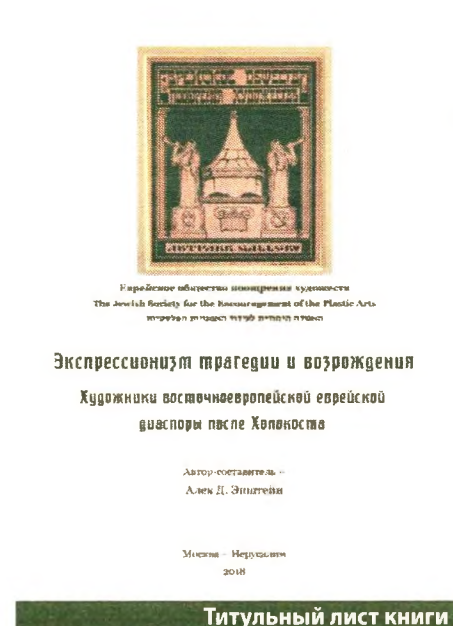
Художников еврейского происхождения, получивших всемирную известность,

было, впрочем, не так мало: достаточно назвать имена Амедео Модильяни, Хаима Сутина, Марка Ротко и других, однако никто из них не воспринимался современниками в качестве еврейских художников; не известна ни одна их работа на еврейские сюжеты, равно как мы не знаем ни об одном посещении ими Эрец-Исраэль / Государства Израиль. Еврейство было исключительно фактом их личных биографий, которое очевидно не могло не влиять на их искусство, однако все-таки отсутствие явных проявлений еврейской тематики в их творчестве сложно оспаривать. Эмиграция представителя национального меньшинства из одной страны в другую всегда представляет собой сложный процесс, заставляющий задумываться об основах и особенностях идентичности, однако совсем не всегда именно фактор национальной или конфессиональной принадлежности выходит на первый план.

Именно этим, собственно говоря, и можно объяснить тот факт, что большинство евреев, покидавших свои страны, направлялись не в Эрец-Исраэль, а немалое число тех, кто решал связать с ней свою судьбу, по тем или иным причинам разочаровались в своем выборе, либо вернувшись в свою страну, либо эмигрировав вновь. Еврейский XX век - это век скитаний... Однако значит ли это, что других интересных живописцев, для которых еврейство было одним из оснований их личной и творческой идентичности, не было? Конечно же, такие люди были! Книга, которую читатель держит в руках - тому доказательство.

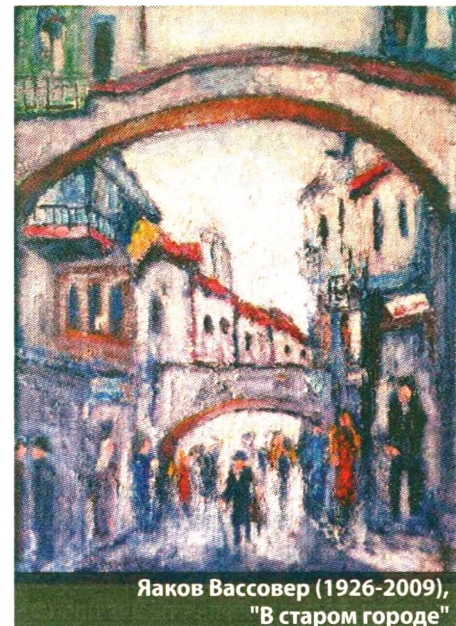
Из двенадцати живописцев, которым посвящена книга, одиннадцать (все, кроме скончавшегося в 1970 году в Москве Меера Аксельрода) по ряду причин покинули страны, где родились и выросли, причем некоторым из них пришлось пережить трудный опыт эмиграции несколько раз. Эти люди обрели последний покой

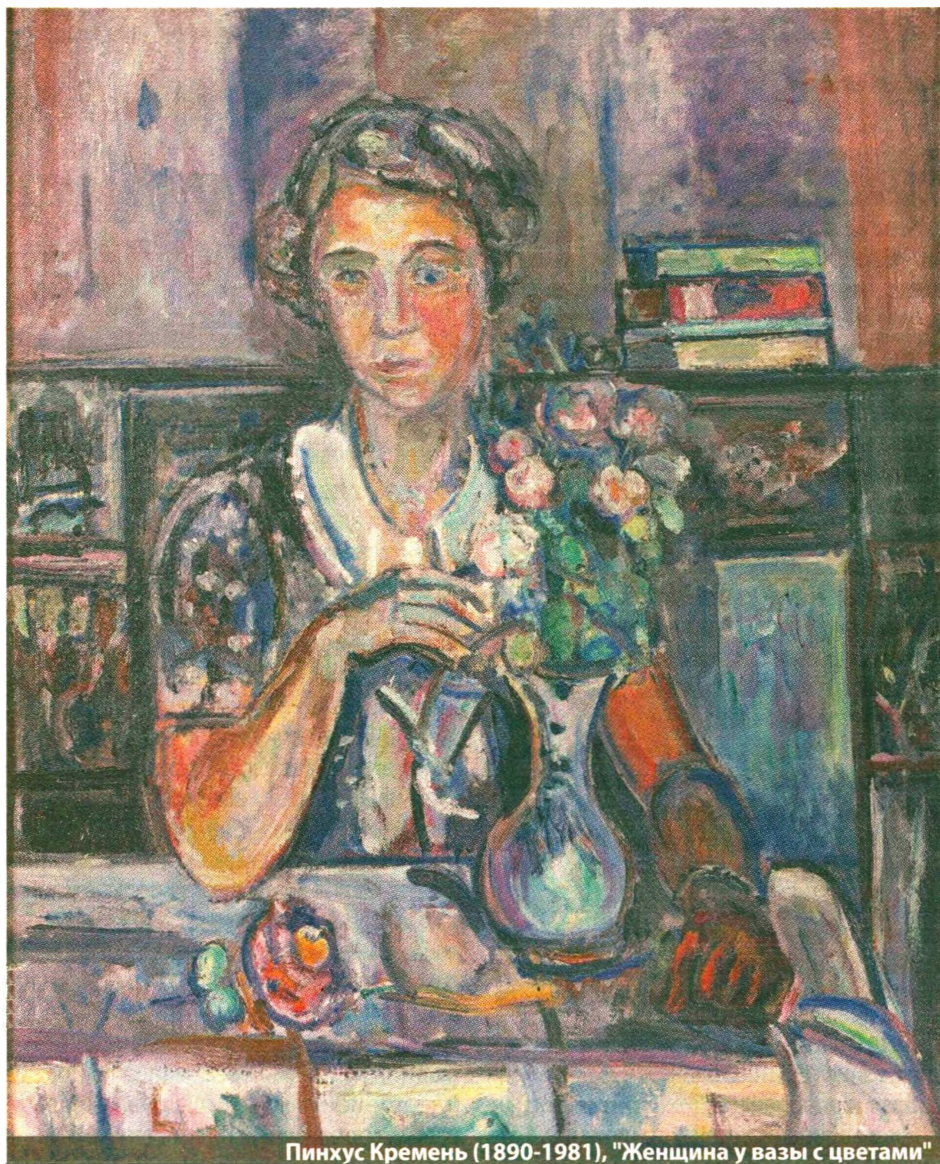
в разных странах: Пинхус Кремень, Давид Гарфинкель и Рафаэль Хволес - во Франции, Золтан Перльмуттер - в Германии, а остальные семь человек - в Израиле. Фактически единый феномен восточноевропейского еврейского искусства середины и второй половины XX века оказался неестественным образом разделен между разными странами, где каждый отдельный мастер был включен в локальную историю культуры; то, что было единым художественным феноменом и должно восприниматься и изучаться именно в качестве такового, оказалось разделенным на лоскутки. Еврейское общество поощрения художеств видит одну из своих задач именно в восстановлении справедливости в отношении этой темы, важнейшей для истории национальной культуры.

Важно открыть для обсуждения и еще одну тему. Вдумчивое размышление о судьбах тех, кому посвящена настоящая книга, побуждает по-новому задуматься над тем, кого принято относить к жертвам Холокоста. Однако тот факт, что эта книга посвящена двенадцати художникам, пережившим Холокост в Европе, не должен вводить в заблуждение, потому что, хотя формально никто из них к числу жертв не относится - ибо все они спаслись и прожили многие десятилетия после окончания Второй мировой войны, - не считать их его жертвами невозможно.

У Адольфа Адлера, Якова Вассовера и Иехуды Родана (Розенцвейга) почти все родные погибли в лагере уничтожения Освенцим. Нацистами были убиты отец и мать Симхи Норнберга, равно как и родители и трое сестер Ривки и Рафаэля Хволесов; погибла и беременная жена художника. Золтан Перльмуттер, пройдя тюрьму и три концлагеря, оказался в группе заключенных, выведенных на массовый расстрел - ему удалось выжить, будучи раненым, имитировав собственную ги-

бель, много часов пролежав на голой земле. Бывший узником Освенцима, Яков Вассовер чудом выжил в "марше смерти" заключенных из концлагеря в январе 1945 года, когда за один день погибли 15 тысяч человек. Симха Норнберг, бежав из оккупированной нацистами части Польши, в 1940 году был арестован советскими властями и оказался в ГУЛАГе, где пробыл пять следующих лет. Авраам Блатита был эвакуирован в 1942 году из Советского Союза через Иран с группой, включавшей более тысячи польских еврейских детей и подростков; своих родителей и брата он в следующий раз впервые увидел лишь двенадцать лет спустя. Холокост разрушил семьи Золтана Перльмуттера и Пинхуса Кременя, жены которых не дождались своих сумевших спастись мужей. Давид Гарфинкель с супругой, не имея возможности прятаться во французской глуши вместе с трехлетней дочерью, были вынуждены отдать ее в приемную семью, где она воспитывалась в католической традиции, что крайне затруднило последующие взаимоотношения старшей дочери со своими родителями. В 1942 году в семье Гарфинкель появился сын Эммануэль, однако из-за невозможности пользоваться услугами родильного отделения больницы, он всю жизнь страдал от серьезных физических и психических осложнений, вызванных родовой травмой. Меер Аксельрод с женой и дочерью находились в эвакуации в глубине советской территории, однако родной брат художника, поэт Зелик Аксельрод, был расстрелян в 1941 году в Минске, где он был заключенным тюрьмы НКВД. Если бы не нацистская оккупация территории Белоруссии, он бы оставался там и дальше, а родные, вероятно, столь же безуспешно, продолжали бы хлопотать о его освобождении, однако в условиях панического бегства из города руководителей партии и органов госбезопасности, за-

Пинхус Кремень (1890-1981), "Женщина у вазы с цветами"

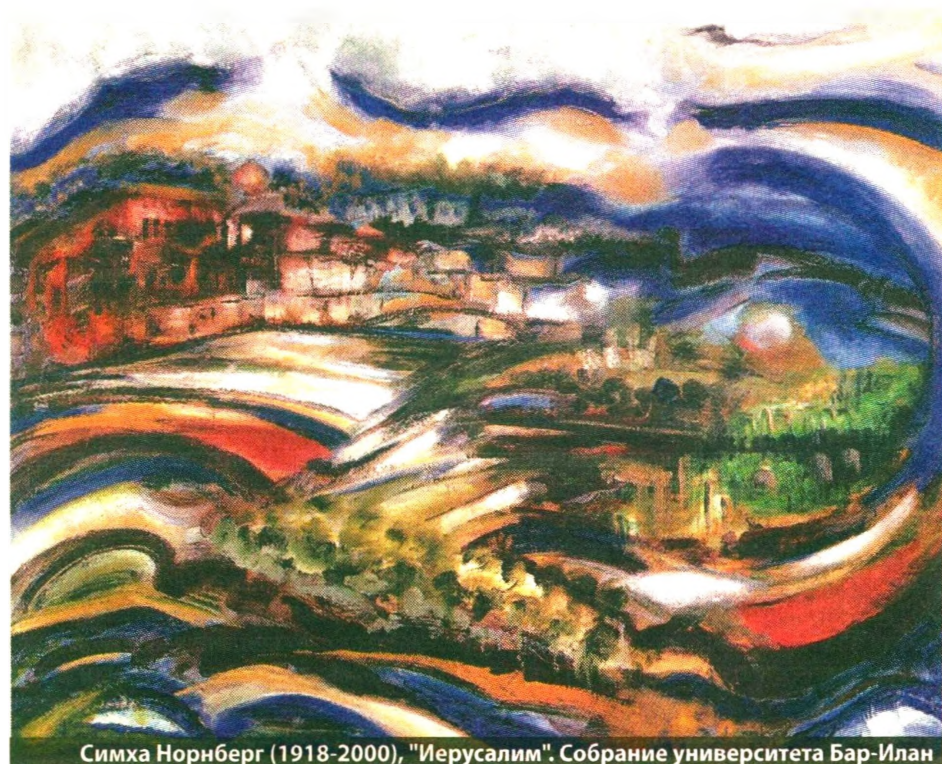
ключенные в одночасье стали непосильным балластом, которых расстреляли просто потому, что их стало некому охранять. Повторим это вновь: хотя никто из двенадцати художников, которым посвящена обсуждаемая книга, не относится к числу тех, кого статистика причисляет к жертвам Холокоста, на самом деле, все они, несомненно, таковыми были.

При этом важно, чтобы судьба каждого человека, а уж тем более человека, прожившего весьма длинную, наполненную событиями, жизнь (а из всех героев настоящей книги наиболее коротким оказался век Меера Аксельрода и Давида Гарфинкеля, но и они все-таки прожили почти семьдесят лет), не сводилась к кошмару Холокоста. Каждый из героев этой книги - а героями их можно назвать применительно отнюдь не только к книге - продолжал творить на протяжении, как минимум, четверти века после окончания Второй мировой войны и Холокоста. Было бы очень пафосно, но едва ли правдиво говорить, будто своим искусством они победили гитлеризм, однако именно творчеством они доказали, что нацизм не смог сломить их. На 232 страницах книги репродуцированы более сотни картин, созданных художниками, пережившими Холокост, и почти все эти произведения были созданы ими уже в послевоенные годы.

Искусство XX века стилистически очень многообразно, но, огрубляя, фигуративную живопись двух последних третей этого столетия можно отнести либо к развивавшей традиции постимпрессионизма, экспрессионизма и фовизма, либо

к сюрреализму. Обсуждаемая книга с беспрецедентной полнотой представляет еврейских художников - уроженцев Восточной Европы, творческий путь которых развивался именно на стыке традиций постимпрессионизма и экспрессионизма. Подобное обзорно-аналитическое художественное издание не выпускалось нигде и никогда, и потому Еврейское общество поощрения художеств заслуживает особенной благодарности. Остается надеяться, что по протоптаваемой тропе пойдут и другие, ибо изучение этой многогранной темы, фактически, только начинается.

По крупицам собрав информацию о судьбах и творчестве представленных в настоящей книге художников в разных странах, мы возвращаем их в тот культурный контекст, который наиболее релевантен для понимания их творчества. Не забудем, что заключенный в 1939 году пакт Молотова-Риббентропа кардинально перекроил границы в Восточной Европе, вследствие чего миллионы людей, никуда не уезжая, в буквальном смысле слова, лишились родины. Это касается и нескольких художников, биографии и работы которых включены в эту книгу: сестра Рафаэля Хволеса, Ривка, родилась в Вильнюсе, а Шмуэль Бен-Хаим (урожденный Косьцянский) - в польском городе Лида, которые в 1939 году оказались на территориях, присоединенных к Советскому Союзу. В свою очередь, город Лодзь, где родился и жил Яков Вассовер, был оккупирован гитлеровской Германией и переименован в

Симха Норнберг (1918-2000), "Иерусалим". Собрание университета Бар-Илан

Лицманштадт; аналогичная судьба постигла Краков, где учился и жил Симха Норнберг, а также Варшаву, где родился Авраам Блатита.

Учитывая, что евреев при нацистской оккупации ждали исключительно гетто, концлагеря, а на последнем этапе - лагеря уничтожения, скорейшая эмиграция была единственной надеждой на спасение. Таким образом, судьба восточноевропейского еврейства имела принципиальное, без преувеличения, судьбоносное отличие: для очень и очень многих эмиграция была не возможностью, рассматриваемой наиболее инициативными или наоборот, погрязшими в нищете одиночками, а жизненной необходимостью.

Подавляющее большинство тех, кто не бежал (а в 1939-1941 годах у подавляющего большинства европейских евреев не было никакой возможности куда бы то ни было иммигрировать, речь могла идти - и шла - исключительно о паническом бегстве), погибли - и погибло искусство, которое наиболее творчески одаренные из них создавали и могли создать. Погибли и многие замечательные художники, отдельные из которых получили в последние годы всемирную известность: Феликс Нуссбаум (1904-1944), Владимир (Шулим-Вольф) Баранов-Россине (1888-1944) и другие. Сравнивая еврейское население европейских стран в 1939 году - и шесть лет спустя, очевидно, что в Польше погибли 85%, в Литве и Латвии - около 90%, в Советском Союзе - более 70%, в Венгрии - две трети, в Румынии - около половины, во Франции - около 30%. Холокост ни в одной стране не привел к тотальному, поголовному уничтожению всего еврейского населения, однако еврейская культура и общественная жизнь были полностью разрушены - и уже никогда не смогли быть восстановлены.

Именно поэтому девять из двенадцати художников, которым посвящена настоящая книга, сумев пережить Холокост, уже после его окончания покинули страны, где жили до этого. Случаи массового коллаборационизма литовского, польского, украинского, венгерского и румынского

населения с нацистскими убийцами были столь многочисленны и ужасны, что даже те, кому удалось выжить, не могли оставаться среди тех, кто зачастую был непосредственно причастен к гибели их родных, близких, друзей, разграблению их имущества, уничтожению синагог и еврейских общинных центров. Не случайно и "поляки" Яков Вассовер, Симха Норнберг, и Авраам Блатита, и ставший, вследствие сталинско-гитлеровского сговора, "белорусом" "поляк" Шмуэль Бен-Хаим (Косьцянский), и "литовка" Ривка Хволес, и родившиеся в городах, в разное время принадлежавших то Венгрии, то Румынии Золтан Перльмуттер, Иехуда Родан (урожденный Розенцвейг) и Адольф Адлер - все они во второй половине 1940-х - начале 1950-х годов связали свою судьбу с Государством Израиль, где все и остались до конца своих дней - кроме Перльмуттера, начавшего новый путь скитаний и жившего то в Бельгии, то в Англии и умершего в Германии. Перльмуттер, кстати, был не единственным из героев этой книги, пережившим несколько эмиграций: в разных странах жил и Рафаэль Хволес, в 1959 году покинувший Советский Союз и поселившийся в Польше, откуда он в 1968 году переехал во Францию.

Эта книга несомненно привлечет внимание всех тех, кому важна и дорога история и культура еврейского народа, а также тех, кто хотел бы расширить свои знания в этой области. Однако это не только и не столько книга о тех, кто пережил самый страшный геноцид в мировой истории, но и о замечательных живописцах, творчество которых, безусловно, достойно внимания всех ценителей большого искусства.

Сбор материалов для этой книги проходил в Израиле, России и во Франции и продолжался шесть лет. Предлагая вниманию читателей репродукции многих десятков работ, которые никогда не видели даже профессиональные искусствоведы, я и мои друзья и коллеги в Еврейском обществе поощрения художеств испытываем большое волнение - и верим, что наши усилия будут оценены специалистами.

И СНОВА ПОЛЬША!

Белла КЕРДМАН

Первым моим наставником в профессии был Феофан Иванович Слюсаренко, матерый газетный волк, начинавший еще до революции в "Киевской мысли". Он отметил, что газета живет один день. Это надо принять и не жаловаться на текучку, которая, мол, заедает, не дает заняться "творчеством", иначе несчастной будешь всю жизнь. Я поняла и приняла. Но случается все-таки, что твоя давняя публикация вдруг обретает новую жизнь и приобщается к текущим событиям. Так на днях ко мне вернулась статья "Еще раз об антисемитской Польше", опубликованная в "Еврейском камертоне" в ноябре 2015 года. Переслал ее знакомый одессит, проживающий ныне в США. Приведу его письмо и сопровождающие статью комментарии американских читателей:

"Вот получаем мы от здешней знакомой твою толковую (и, по-моему, справедливую) статью!" - это слова земляка. А далее - безымянные для меня читатели: "Интересная статья, и я в целом согласна с таким подходом к теме. Тем более интересно, что мы еще в раздумьях: ехать или нет. Летом в Польшу. После этой статьи хочется ехать". И еще одно мнение: "Очень интересная статья. Написана спокойно, без односторонней ангажированности, следует старому латинскому праву: выслушай и другую сторону. Этот дуализм по отношению к евреям проходит через всю польскую историю. Это любовь и ненависть. Польские евреи после войны имели свои газеты и журналы, главным редактором газеты "Слово Жидовске" выходившей на идише и польском был до 1968 года Гирш Смолер. Он же открывал памятник героям и мученикам Варшавского гетто в 1948 году. Синагога функционирует. Масса поляков и туристов ежедневно приходят на спектакли в Еврейский театр и слушают через наушники перевод на польский. Открылся в Варшаве Еврейский музей. Плюс к статье: это польские католики в годы войны создали организацию по спасению евреев - "Жегота". (К концу 1943-го у "Жеготы" были филиалы в Кракове и во Львове, а также специальные отделения в Кельце, Петркуве и Радоме. Более 2000 поляков, участвовавших в операциях "Жеготы", были казнены нацистами, в том числе около 700 членов самой "Жеготы". - Б.К.). Действительно, после 1968 года евреи могли без проблем уехать из Польши. Кстати, жена Гомулки была еврейкой: ее звали Софией. Гомулка в 1967 году на съезде профсоюзов действительно назвал польских евреев, которые открыто радовались победе Израиля "пятой колонной", но не сказал открыто: убирайтесь! В марте 1968-го после выступлений студентов он и его секретарь ЦК сказали, что евреи могут покинуть Польшу без больших формальностей, так как к этому времени дипотношения с Израилем были разорваны. Летом 1967 года я был почти везлици в Варшаве и наблюдал эту картину вблизи. Мой отец, старый польский коммунист и отставной

Президент Польши Анджей Дуда на митинге в память о Варшавском гетто, 19 апреля с.г.

полковник, в конце 1968 года покинул Польшу".

Сегодня мы имеем такую картину маслом: из Польши делают чуть ли не главного антисемита и вершителя Холокоста! Ее стали писать в этой теме через запятую сразу после Германии, а следом никого не пишут. Некоторые статьи начинаются так: "В Польше до войны проживало три миллиона евреев", и многие читатели делают вывод, что уничтожили эти миллионы поляки - такова логика изложения! На экранах TV и на страницах таблоидов появляется выражение "польские охранники в лагерях смерти", тогда как фактически их там не было, хотя бы потому, что немцы местному населению не доверяли. И фактически лагеря были не польскими, а немецкими на оккупированной территории Польши.

Я услышала на днях по РЭЖ от одного из наших обозревателей, что большинство лагерей смерти было не на аннексированной Германией части Речи Посполитой, а в "Польском генерал-губернаторстве". А то, что это учрежденное нацистами в октябре 39-го года "губернаторство" со столицей в Кракове, во главе с Гансом Франком (казненным в 1946 г. по решению Нюрнбергского процесса), было под немецкой оккупацией, он не сказал, так что человек, незнакомец с историей Второй мировой войны, мог принять те остальные (Треблинку, Белжец, Собибор, Травники, Майданеки пр.), за "польские лагеря смерти". Между тем, по личному приказу Гитлера в том "губернаторстве" за три весенних месяца 42-го года было расстреляно около трех тысяч поляков. Это был цвет нации - ученые, общественные деятели, фабриканты. А перед тем не без личного указания Сталина в марте 40-го был уничтожен цвет польского воинства в числе 21857 человек, расстрелянных только в Катыни.

Еще факты. Я бы сказала, основные. Польша была единственной из оккупированных гитлеровцами европейских стран без коллаборационистского правительства, и ни одного воинского соединения под польским флагом на стороне вермахта не было! Другие были, целыми полками, дивизиями и даже армиями сдавались и служили врагу, а поляки боролись на два фронта: сперва с германцами и советскими "освободителями" согласованно ступившими на их территорию в 39-м, потом - с нацистами на оккупированных территориях Союза и своей собственной. И как же они дрались! В октябре 1943 года под поселком Ленино, Могилевской области впервые вступили в бой поляки - пехотная дивизия им. Костюшко. Командовал ею полковник Зигмунд Берлинг. За доблесть в бою под Ленино 242 польских воина получили советские ордена и медали, а трое стали Героями Советского Союза (сведения из интернета).

Тем не менее, в обществе вполне прижился трафарет: "польские лагеря смерти". В состоявшейся несколько лет назад дискуссии на эту тему только один участник из почти двухсот дал верное, на мой взгляд, объяснение основной дислокации лагерей: "Это была логистика Гитлера: Польша в центре Европы, евреев много под рукой, к тому же не придется травмировать свое, немецкое население".

Наконец, случайно ли оба "курьера Холокоста", сообщившие сильным мира того, что происходит с евреями в гетто и лагерях, были поляками: офицеры Армии Крайовой, ведущей подпольную борьбу с оккупантами, Ян Карский и Здислав Пилецкий? Увы, им не поверили. Или сделали вид, что не верят. Вспомним, как те же союзники по антигитлеровской коалиции гнали от своих берегов суда и суденышки,

на которых пытались спастись европейские евреи.

Не раз звучала поправка из Польши: "Не польские лагеря, а немецкие на территории Польши". Сперва достаточно терпеливо поправляли, со временем появилось раздражение. И вот недавно правым правительством был принят закон, предусматривающий уголовное наказание вплоть до трех лет заключения за обвинение Польши в участии в Холокосте. Нельзя не признать его появление сегодня, когда в мире набирает силу новая волна антисемитизма, совсем неуместным. До нелепости, если учесть действительное положение дел в этой стране и тогда - во время Второй мировой войны, и впоследствии.

Я давно интересуюсь Польшей, неоднократно бывала там и до репатриации в Израиль, и уже отсюда. Выучила польский язык и стараюсь быть в курсе происходящих там событий. Таких, например, как покаянные акции молодого художника Рафала Бетлеевского. Вот одна из них: он приходит в место, где когда-то массово проживали евреи, вывешивает банер со словами "Tęsknię za Tobą, Żydzie!" ("Я скучаю по тебе, еврей!"), ставит стул, на который кладет кипу и ждет; а когда подходят местные жители, рассказывает о тех, кто населял окрестные дома и был убит только за то, что был евреем. Да, для тех, кто не знает: в польском языке "жид" - это "еврей", другого термина для этого понятия просто нет (кстати, во время пребывания в Польше мне это нисколько не мешало, я не вздрагивала от его звучания, как это бывало в Союзе). Еще одна из множества покаянных акций: спектакли лодзинского театра "Брама гродска" (до войны этот район назывался "Брама жидовска"), который показывает истории из еврейского фольклора - простые эпизоды из жизни простых людей, соседей-евреев, исчезнувших из бытия.

А талантливые польские фильмы о войне и оккупации, не случайно входящие в число шедевров мировой кинематографии! В них тема покаяния за преступления соплеменников перед евреями звучит искренне и беспощадно. Назову несколько: "Скорбная неделя" Анджея Вайды, "Ида" Павла Павликовского, "Стерня" Владислава Пасиковского, "Во тьме" Агнешки Холланд. Темы участия своих, из местного населения, в преступлениях Холокоста никто, кроме польских мастеров, до сих пор не касается. Это начали и до сих пор делают только они!

Что же, на оккупированных территориях Украины, Белоруссии, прибалтийских республик, России, Франции и пр. аборигены были сплошь белые и пушистые, они не помогли нацистам истреблять евреев? О, нет, и мы это знаем. Сейчас и некоторая статистика стала появляться, и некоторые документы открываются. Например, на оккупированных немцами территориях, входящих ныне в РФ, действовало 41 гетто, в которых методично истреблялось еврейское население. Гетто были в Калуге, Орле, Смоленске, Твери, Брянске, Пскове и во многих других местах. Охрану их несли, как правило, местные полиция, они же, при полном одобрении местного населения, захватившего еврейское имущество, проводили массовые убийства евреев.

О том, как повело себя относительно евреев местное население Литвы во время немецкой оккупации, мы знаем из книги Руты Ванагайте "Наши", стоявшей ей обструкции не только со стороны земляков - ее оставили даже многие друзья и родственники. Однако самым ценным документальным свидетельством о Холокосте я считаю десять серий фильм "Шоа" известного французского режиссера-документалиста Клода Ланцмана. В Союзе его показали буквально на днях, я посмотрела здесь, по одной серии в день, это тяжелое зрелище. Ланцман снимал свой фильм по горячим следам, вскоре после войны. Он посетил лагеря и опрашивал окрестное население, в том числе евреев, которым удалось выжить. И явно неслучайно в рассказах его собеседников синонимом слов "надсмотрщик", "капо" звучит "украинец".

Так что же, я пытаюсь утверждать, что в Польше не было и нет антисемитизма? Еще как был и есть! А где нет? Но разве сам за себя не говорит факт, что почти треть признанных Праведниками мира спасателей евреев в пору Холокоста (6620 человек на 1 января минувшего года) - это поляки, таков счет мемориала "Яд ва-Шем". И еще цифра: две тысячи поляков было казнено оккупантами за помощь евреям. А насчет "польского антисемитизма" я, причем, не впервые, процитирую известного писателя и журналиста (еврея, кстати) Адама Михника, одного из активных деятелей Солидарности - уж он-то наверняка "в теме": "Все польские политические силы - от правых до левых - вели упорную борьбу против нацистов. Польские правые организации, в отличие от большинства стран Европы, не встали на путь сотрудничества с нацистами, несмотря на существование в Польше довольно стойкой антиеврейской традиции... Польские антисемиты сражались против Гитлера, а некоторые из них даже участвовали в акциях спасения евреев, хотя за это им грозила смерть. Так возник специфический польский парадокс: на оккупированной польской земле можно было одновременно быть антисемитом, героем антигитлеровского сопротивления и участником операций по спасению евреев".

Вернемся к недавно принятому в Польше закону об уголовной ответственности за утверждение о пособничестве польского народа гитлеровской Германии в годы Второй мировой войны. Как же представляют себе авторы его осуществление? Допустим, к своим гражданам еще можно применить предусмотренное этим законом наказание. Только вряд ли кто-то из поляков назовет, скажем, Освенцим "польским

лагерем смерти". Но вот один из многих употребляющих это выражение - бывший президент США Барак Обама. Что, польское правосудие достанет его и посадит на три года в тюрьму?! А если не американский президент, а простой смертный любой страны, недостаточно осведомленный в истории той войны и особых, достаточно сложных польско-еврейских отношениях, так скажет или напишет? За слова - тюремное заключение?! Однако предусмотрено ведь законом уголовное наказание за отрицание Холокоста!

Рискну поставить вопрос: а не получается ли, что признанием участия лиц из местного населения в преследованиях и убийствах наших соплеменников в Едвабне, Кельце и некоторых других местах, многочисленными покаянными акциями, перформансами, кинофильмами, а также официальными извинениями перед еврейским народом президента Края, как часто называют свою страну сами поляки, Александра Квасьневского и главы католического клира Йозефа Глемпа в 2001 г., а спустя десять лет и президента Бронислава Коморовского, Польша сама навлекла на себя роль "главного антисемита" в восприятии обывателей? И новый закон - об уголовном наказании за обвинение ее в пособничестве Гитлеру только усилил эту тенденцию.

А что же с уголовным преследованием отрицателей Холокоста? Начать с того, что закон, запрещающий публичное отрицание или оправдание преступности нацистского "окончательного решения еврейского вопроса" в послевоенные годы был принят в ряде стран, в частности, в Австрии, Бельгии, Германии, Литве, Люксембурге, Польше, России, Словении, Франции, Швейцарии, а также в Канаде и Израиле. Аналогичные законы действуют в Лихтенштейне, Португалии, Чехии и Словакии. В 2010 году закон, карающий за отрицание преступлений тоталитарных режимов, был принят в Венгрии. Относительно недавно - в Испании. Однако в США такой закон невозможен: он противоречит Конституции, согласно которой свободное выражение своих взглядов - любых! - ненаказуемо. Не запрещено отрицание Холокоста в Дании и Норвегии.

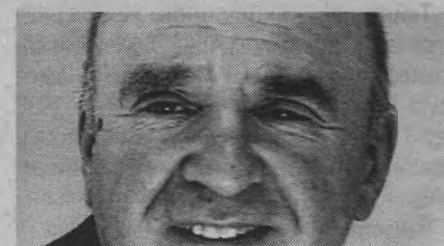
Заметим, закон этот не одинаков для принявших его стран, там есть существенные различия. И работает он по-разному. Полной статистики я не нашла, но отдельные сведения представляют интерес. Например, только в 2007-2008 гг. в странах Европейского союза были осуждены "не менее десяти человек", сообщается в интернете. Или вот: пресловутый Жан-Мари Ле Пен был подвергнут штрафу в 1,2 миллиона франков за высказывание о том, что газовые камеры были "лишь эпизодом в истории Второй мировой войны", позднее он был приговорен к трем месяцам тюрьмы условно и штрафу в 10 тысяч евро за оправдание гестапо, обеление его роли во времена нацистской оккупации и за оспаривание преступлений против человечности.

Впрочем, "Закон об уголовной ответственности за отрицание Холокоста" - эта отдельная, очень важная сегодня тема. Наверное, есть резон к ней обратиться.

ЧТО ЕСТЬ ТА ОЧЕВИДНАЯ ПЕЧАТЬ?..

Леонид ГИРШОВИЧ

Сделал комплимент, совершенно искренне - себе. Открыл наугад роман, написанный в последний год советской власти. И прочитал:

Что есть та очевидная печать made in СССР на человеке, благодаря которой без труда различаешь Земелю Иваныча? Ответ заманчиво прост, все его, казалось бы, знают, а только начини загибать пальцы в перечислении примет - разучеешься, а приметам так конца-краю и не будет. С другой стороны, у московского болельщика за нагорно-карабахских армян в графе "особые приметы" может не оказаться ни одной общей черточки с болельщиком за команду "Крылья Советов". Что с того! Оба узнаются мгновенно. Назвать причину этого, дать формулу советской физиономии значило бы понять что-то очень важное - в том числе и в самом себе, если не с целью самосовершенствования, то, по крайней мере, в надежде все понять (чтобы все простить). Каковы внешние признаки советского человека, по мнению, в первую очередь, его же собственному - а надо сказать, советский человек столь же чуток и мудр в отношении себя, сколь глуп, слеп и глух в отношении окружающих. В известном смысле он - сова... только потом уже совок, хотя, как самоназвание, "совок" не имеет себе равных, особенно с тех пор, как сделался эпонимом всей страны.

- Мы же совки... - и тут оказывается, что это "мы" в зримом своем воплощении не поддается характеристике, поскольку характеристика совковых лиц и совковой стати всегда не что иное, как описание какого-то конкретного, хотя и кажущегося типичным, случая - с натуры или созданного воображением, неважно. Но вот подворачивается не менее типичный случай, совершенно противоположный по своим свойствам, а там, глядишь, и третий, и десятый... Все случаи типичны. Рыхлые толстые женщины? Есть ведь и тощие, что ни на йоту не умаляет в них признаков совковости, и наоборот: толстая иностранка, дебелая натурщица Рубенса, только в силу этого еще не лишается своей заграничности. Угрюмый, тяжелый, ускользающий в сторону взгляд - в каком-то описании советских людей на это делается, помню, упор. Однако во всем мире отводят глаза под встречным взглядом незнакомца, а улыбаться тебе при этом и в парижском метро никто не будет. Запах пота, золотые коронки? Все так, но советского человека "видишь за километр". На замечание, что речь идет о лике толпы, позволю себе спросить: почему тогда советский человек вычлется в девяносто случаях из ста, даже когда он один как перст (да и сам он узнает иностранца мгновенно, "в бане

со спины" - сужу по своему прежнему опыту)? И главное, даже не скажешь, что советские люди это уже не русские. Отнюдь, вполне. Так современный русский акцент в немецком не перестает быть русским акцентом лишь оттого, что существенно отличается от акцента, который выдает (выдавал - в семидесятые годы) русского эмигранта старой формации.

В чем же дело? Вот "мы идем и поем..." Идет такой совокупный совок. Как назвать то общее, что есть в рисунке наших лиц, что эти лица выражают, какими средствами для этого воспользовалась природа? Почему и славянский, и еврейский, и какой хочешь совок, противопоставленный иностранцам, делает совершенно непринципиальным различие между теми - немцами и французами, французами и испанцами, испанцами и прочими шведами? Возможно я даже знаю ответ, самое-самое его начало. Надо искать не "то общее, что в них есть" - в совках - а наоборот, то общее, чего в них нет. Их, как и советскую жизнь в целом, характеризует отнюдь не наличие, их выдает отсутствие. Нехватка - пароль их и лозунг. Тамосний товарный дефицит уже давно дал метастазы совершенно диковинного характера: чистоты и интенсивности цвета, например, там тоже не достает, причем я не о текстиле или полиграфии - там все кошки серы даже днем, там сероватая трава... А вкус! Спросите у них, какой кажется им еда на Западе. Я же помню свои первые ощущения: слишком пряная, как-то приторная, острая; слишком много начинки и слишком мало теста. Совок - это экзистенциальная разреженность - и больше: в самом прямом физическом смысле слова, как следствие семидесятилетнего промывания мозгов, клеветы на мир (кого интересуют экономические программы - когда мозги в порядке, все программы хороши). Совок идет по улице - и это видно сразу. Совок он или антисовок - ему недодано... одного какого-то витамина, какого-то вещества... а отсюда и какой-то черты, какой-то крохотной загогулины нету в нем - в отличие от французов и испанцев, шведов и голландцев... иностранцев, иностранцев...

Я перепечатал (этого нет в интернете, а сканера нет у меня), перочел, почесал в затылке: были ведь и тучные годы, много чего было. Ровесникам этого текста уже под тридцать. Но им по-прежнему "не додано".

Ян ТОПОРОВСКИЙ

РАЙ В ПОРТФЕЛЕ

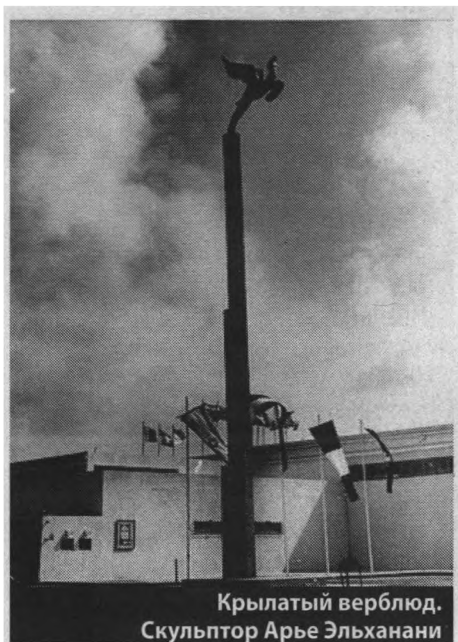
Тайна двух павильонов. Моя первая встреча с художником Арье Эльханани состоялась в архиве Тель-Авива. Там я нашел "Дело Эльханани", заведенное еще в 1938 году. Письма и другие документы рассказывали об оборотной стороне истории еврейского (эрец-исраэльского) павильона на Всемирной выставке в Нью-Йорке в 1939 году, главным архитектором которого был Эльханани. История заключалась в том, что американцы решили наложить штраф на палестинских (как тогда называли еврейских жителей этого клочка земли) партнеров за поставку неработающих диорам (они должны были двигаться) и за переделку одной из фресок, которую комиссия во главе с Вайсголом (к этому человеку мы еще вернемся) забраковала. Но, слава Б-гу, все обошлось без финансовых огорчений - стороны пришли к джентльменскому соглашению. После прочтения бумаг я дал себе слово разгадать еще одну тайну, упоминание о которой встретил в письме Эльханани. Он обмолвился, что судьба еврейского павильона на предыдущей Всемирной выставке в Париже от 1937 года была неудачной. Я этого не знал. И даже не предполагал, с чего начать поиск.

Но вскоре судьба свела меня с женщиной, которая рассказывала, что ее привезли в Палестину в возрасте двух с половиной лет. Звали ее Мирьям Голан, и была она дочерью Арье Эльханани. И во время нашей первой встречи я не задавал Мирьям вопросы как журналист, а по ее просьбе (она не читает по-русски) зачитывал ей неизвестные письма ее отца. Она слушала внимательно, а если какое-то слово было ей непонятно, переспрашивала. Когда же я сказал, что в одном из писем Арье Эльханани упомянул о своих детях, Мирьям попросила найти эти строчки.

В одном из них автор отчитывался о закладке павильона. Но ниже сделал приписку о своих детях, которые остались в Тель-Авиве, а он с женой Сарой Александровной готовил выставку в Нью-Йорке. В приписке он просил компаньонов, чтобы те "выполнили свои обязательства по отношению к его детям, точно также, как он, Эльханани, выполняет свои по отношению к компаньонам". Теперь уже Мирьям пояснила мне суть фразы. Оказывается, компаньоны должны были переводить им - детям и бабушке, у которой они остались, - зарплату отца. И еще она показала мне фотографии закладки павильона в Нью-Йорке: торжественно-официальный вид отца, положившего руку на капсулу, в которой было запечатано (кто сегодня об этом знает?) послание тогдашних жителей Эрец-Исраэль будущим жителям страны. И опять я медленно читал письма, а Мирьям внимательно рассматривала неизвестный ей набросок, сделанный отцом на полях этой странички.

Затем она рассказала, что отец всегда делал наброски, прежде чем подступиться к работе. А потом достала из ящиков, сняла со стен и положила передо мной гору картин своего отца, повторяя: "Как вам все-таки удалось найти неизвестные письма и фотографии отца?".

Я в свою очередь, удивлялся: почему такой превосходный художник неизвестен

Крылатый верблюд.
Скульптор Арье Эльханани

Рабочий. Скульптор Арье Эльханани

широкому кругу людей даже в Израиле?! Не говоря уже о том, что его -кубофутуриста Сапожникова, приехавшего в Эрец-Исраэль в 1922 году и взявшего себе здесь фамилию Эльханани- должны были знать и репатрианты из России, откуда родом и сам художник.

От ридикюля до клубники. Арье Сапожников родился в Полтаве, учился живописи в Киеве. Из группы, в которой он занимался, вышли известные художники. Например, будущий основатель израильского лирического абстракционизма Йосеф Зарицкий. Затем Сапожников работал в Харькове в окнах РОСТА. Но в 1921 году вся семья решила уехать в Палестину. В то время в Эрец-Исраэль обычно уезжали только молодые. Но Сапожниковы двинулись всей семьей. Дедушка, бабушка, три папиных брата и дядя с семьей, не считая Арье, его жены Сары, которую он ласково называл Саинька, и их дочери Мирьям. Сара не очень-то хотела жить в Палестине, ибо там у нее не было ни знакомых, ни родственников. Когда же они попали в Европу, Сара сказала мужу: "Давай оставим твой Арец и обоснуемся здесь. Здесь очень красиво!". Но через 8-9 месяцев, когда кто-то очень по-европейски подал Сару руку, помоги сойти со ступенек, а затем столь же интеллигентно срезал ридикюль, который она носила на плече, Сара согласилась: едем в твой Эрец-Исраэль! И семья отплыла из Италии в Палестину.

Мирьям не помнит, взяли ли они с со-

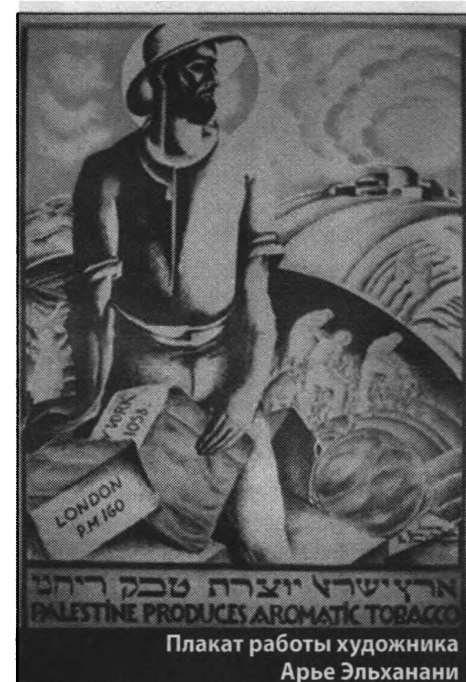
Арье Эльханани (Сапожников),
1930 г.Плакат работы художника
Арье Эльханани

бой багаж. Но у нее в доме сохранились две вазы, привезенные родителями из России, а у ее дочери хранится маленький ковер, появившийся еще в те годы, когда Саре исполнилось 15 лет. Есть и куколка, которую Эльханани подарил своей жене перед отъездом на Землю обетованную. А память Мирьям сохранила вот такой эпизод.

Палуба парохода. Мирьям - годика два с половиной. На ней меховая шубка, а на шубке большие пуговицы из меха. И одну из пуговиц она крутит, играя. Разумеется, доигралась. Пуговица покатила по палубе. И вся семья тут же бросилась ее искать, осматривая каждую щелочку.

Уже потом, почти полвека спустя, Мирьям встретила женщину, которая плыла на этом пароходе и была свидетельницей того происшествия. Тогда она еще подумала: такие милые, интеллигентные люди, а ползают по палубе из-за какой-то меховой пуговицы. Но женщина не знала, что глава семьи - дедушка с протезом вместо ноги - был ювелиром. И в меховой пуговице были спрятаны драгоценные камушки. А вообще дедушка-ювелир мечтал стать крестьянином. И по приезде купил в Рамат-Гане 80 дунамов земли, решив выращивать на ней клубнику.

Мирьям носила за дедом костыль, а дед показывал ей, где втыкать этот костыль, чтобы в земле образовались лунки - в них можно было сажать клубнику. Но сколько костыль ни втыкали, сколько ямок ни дела-

Плакат работы художника
Арье Эльханани

ли, клубника расти не желала. И тогда дедушка-крестьянин решил стать животноводом. И выращивать коров. Однако опять прогорел. Меховая же пуговица, превратившаяся в ювелирные камешки, а камешки - в 80 дунамов земли, а дунамы в коров - обернулась в конце концов старой бакалейной лавкой, в которую приходили только за спичками.

Но вся семья очень полюбила Левант. А свою маленькую дочку наряжала, как арабскую девочку. В отличие от родителей, Мирьям это не нравилось.

У Сары Эльханани была кузина в Голландии. Ей-то и посылали фотографии. На одной из них вся семья была запечатлена в арабской одежде.

Но когда в доме впервые появились деньги за декорации к спектаклю "Клад" в театре "Габима", которые создал Арье Эльханани, то тогда он и его жена Сара поехали в Европу, где и встретились с родственницей. Увидев их одетыми по-европейски, та облегченно вздохнула: как хорошо, что вы приехали без этой вашей одежды, в Голландии вас бы не поняли...

Жизнь в Леванте. Когда Арье Сапожников уговаривал жену поехать в Палестину, он рисовал перед ней романтические картины. Во-первых, он не говорил, что они едут в Палестину, он твердил: "мы едем в Левант". Во-вторых, он рассказывал, как там красиво, как они будут жить в Иерусалиме. А по вечерам сидеть на крыше, есть виноград и петь песни. Хотя песен они не знали и петь не умели. В Иерусалиме Арье нарисовал левантийский город, дом с плоской крышей и мужчину и женщину, блюдо с фруктами. И араба-сказочника, который рассказывает им истории тысячи и одной ночи.

В Тель-Авиве художник Арье Сапожников не мог найти работу. А в Иерусалиме ему предлагали писать рекламные плакаты для Гистадрута. Мирьям считает, что Гистадрут того времени - как сегодняшнее правительство. Кроме того, в Гистадруте работали настоящие сионисты. В основном это были евреи из Германии. Они приехали сюда в самом начале 20-х годов, когда евреям в Германии было очень и очень хорошо. Они были культурными

людьми и знали все на свете, кроме иврита. Так до самой смерти и не смогли его выучить - не были, должно быть, способны к языкам. В этом кроется первая причина, по которой Сапожников переименовал фамилию - в Гистадруте не могли ее выговорить. (О второй - следует сказать следующее: когда они снимали комнату у араба по имени Эль-Хабиби, то Арье решил: ты - Эль-Хабиби, а я буду Эль-Ханани, тем более что отца его звали Эльханан).

Увлечение театром. В те годы на окраине Тель-Авива, на берегу моря стоял шатер. И даже не шатер, а палатка. Отсюда и название театра - "Огель". Это был театр рабочих. К этой труппе примкнул и художник Арье Эльханани. Он делал для театра декорации к спектаклям. Актеры играли классику мировой драматургии - русские и еврейские пьесы. Первая постановка - "Вечер Ицхака Лейбуша Переца".

В архиве дочери художника хранятся наброски к спектаклю театра "Огель" по библейским мотивам. Хотя Мирьям вспоминает, что танахические истории инсценировались в Эрец-Исраэль и до появления рабочего театра. Арье делал декорации и для одного из первых театров Тель-Авива - "Груд а-авода" (к сожалению, о нем мало кто знает, и потому рискованно предположить, что это был скорее драмкружок, созданный рабочими, строившими кибуцы на севере Эрец-Исраэль). Что же касается театра "Огель", то от вечеров, посвященных еврейским писателям, он перешел к пьесе "Иермиягу", а потом к "Эдипу".

Мясник, похожий на царя. "Габима" нуждалась в режиссерах. И руководство театра пригласило на постановку режиссера Александра Денисовича Дикого из России. В будущем - в конце 40-х годов - ему предстояло сыграть Иосифа Сталина в фильмах "Третий удар" и "Сталинградская битва". А пока что он прибыл в Тель-Авив на постановку двух спектаклей в "Габиме" и прожил несколько месяцев на Земле обетованной. Арье Эльханани очень любил с ним работать. Он делал декорации к первому спектаклю Дикого "Клад" (по Шолом-Алейхему). А вот второй и последний спектакль "Кетер Давид" ("Корона Давида", или, как принято называть эту пьесу в России - "Кудри Абессалом" великого испанца Педро Кальдерона) оформлял уже художник Шмидт.

О работе над "Кладом" Эльханани любил рассказывать одну смешную историю: режиссер Александр Дикий проживал в пансионате госпожи Хофберг. Там висел портрет человека с бородой, который очень нравился режиссеру. Для спектакля же нужно было придумать образ мясника. Но те зарисовки, которые художник Эльханани предлагал режиссеру, тому не нравились. Как пояснял режиссер, "мясник должен быть похож на портрет отца госпожи Хоффер, который висит в пансионате". И Эльханани пошел в пансионат, где и увидел так вдохновивший Дикого образ. И сделал с портрета "набросок мясника". Хотя, если признать, этот "портрет отца госпожи Хофберг" был портретом Теодора Герцля. Но Александр Дикий этого не знал. Но в его защиту можно сказать, что Герцль, по об-

щему убеждению, был для евреев, как царь. По крайней мере так утверждала Мирьям.

За "Клад" Эльханани получил настоящий клад - сто фунтов стерлингов. Это были деньги, которых у семьи никогда не было. И Арье захотел немедленно их потратить. Друг семьи, владелец табачной фабрики "Дюбек" предложил: "Вот теперь я куплю вам землю и построю вам дом". Но Арье и его жена решили съездить в Европу и увидеть, что там происходит. Бросили дочку Мирьям на бабушку и уехали. Но благодаря бабушке Мирьям стала разговаривать на русском.

Модель на все времена. Сара очень хотела, чтобы ее Арье остался художником на всю жизнь. Во-первых, это ей нравилось, а во-вторых, она ревновала его - все-таки красивый мужчина. Ей казалось, что если ее муж останется художником, он всегда будет работать рядом, дома. А человеком он был увлекающимся: живопись, театр, реклама, графика, архитектура, но Сару не забывал и часто ее рисовал. На плакатах 30-х годов, посвященных обучению еврейских девушек агрономии, он тоже ее изображал.

Потом Арье воспылал любовью к графике. И выпустил свою "Пасхальную Агаду". Он рисовал в ней не только картинки, но и каждую букву. Затем его "Агаду" переиздали, уменьшив формат и втиснув туда еще и английский перевод. А как-то прошел слух, что в Венгрии "Агада" Эльханани вышла в первозданном виде. И когда Мирьям Голан оказалась в Венгрии, она зашла в синагогу, чтобы навести справки. Но никто ничего не знал об этом событии.

Павильон за павильоном. Эльханани построил свой первый еврейский павильон на Всемирной выставке в Париже в 1931 году. (Сделаю сноску для будущих исследователей истории еврейских павильонов на Всемирных выставках. Самое раннее, если не ошибаюсь, упоминание об эрец-исраэльском павильоне я обнаружил в статье сэра Исая Берлина, который писал, что его дядя Ландоберг (Ицхак Саде) был представителем евреев Палестины в палестинском павильоне на Всемирной выставке в Лондоне в 1924 году). Но вернемся в Париж 1931 года. Именно тогда Эльханани стал главным архитектором и художником всех еврейских павильонов и на региональных выставках, например, в Турции, в Египте, не говоря уже о выставках в самой Эрец-Исраэль.

Мирьям показала мне фотографию, сделанную на открытии еврейского павильона в Париже в 1931 году. Оказывается, из Палестины туда отправились велосипедисты спортивного общества "А-поэль". По всей видимости, в Яффо или Хайфе они сели на паром, добрались до Франции, высадились в Марселе, а оттуда уже на велосипедах - напрямик в Париж. На торжественное открытие.

Что же касается тайны палестинского павильона, которую я обещал раскрыть, то Мирьям поведала, что на Всемирной выставке случился пожар. Сперва вспыхнул и сгорел дотла - немецкий павильон, а потом огонь перекинулся на ближайший к нему -

еврейский павильон. Ну чем не Б-жье предзнаменование?! Память Мирьям сохранила этот эпизод вместе с другими рассказами отца - о прибытии Ротшильда на открытие павильона. Именно в тот момент барон решил, что Эрец-Исраэль - идеальное место для выпуска модных в то время духов "Жасмин". И каждый участник создания павильона получил от Ротшильда флакон духов "Жасмин" в коробочке из серой замши.

Этот подарок Эльханани привез домой. Все любовались коробочкой и флаконом, но открыть не решались. Берегли. А ночью проснулись от резкого запаха. Флакон грохнулся на пол. И ужасный запах заполнил дом. Во флаконе были не духи, а эссенция "Жасмин".

У Эльханани состоялась еще одна встреча с Ротшильдом. Тот пригласил художника и, по всей видимости, других создателей эрец-исраэльского павильона в свой парижский дом. И художник рассказывал своим домашним, что на баронессе Ротшильд было платье с одним рукавом. А на второй, обнаженной руке - большущий золотой браслет.

Любовь к архитектуре. Вполне возможно, что любовь Арье Эльханани к архитектуре началась с постройки павильонов. Как рассказывала его дочь Мирьям, Вайсгол - тот самый, что представлял американскую сторону на Всемирной выставке в Нью-Йорке в 1939 году, - открывал перед ее отцом большие возможности для творчества. По воспоминаниям дочери художника, Вайсгол был в те годы очень известным человеком. И в Эрец-Исраэль, и в США. Говорят, что в США он одно время был даже главным раввином. У него было много замыслов, связанных с землей предков. И он частенько вкладывал деньги в общие проекты. Однажды его компаньоном был Хаим Вейцман, и, как признавался сам Вайсгол, он потерял много денег из-за недуманных шагов будущего первого президента Израиля. Но потом они стали лучшими друзьями.

Однажды Вайсгол позвонил Арье Эльханани из Америки и сказал: "Я хочу кое-что сделать для Вейцмана. Оставьте пока все свои нынешние работы". И предложил Эльханани как архитектору спроектировать институт. Так был создан Институт Вейцмана в Реховоте. В самом институте у Вайсгола был большущий дом. Он называл его коровником, и вот почему. Когда к нему приезжали гости-американцы. Вайсгол их "доил" - просил выделить деньги Институту Вейцмана.

Вайсгол был некрасив, но очень обаятелен. У женщин пользовался большим успехом. У него не было серьезное образование, однако все профессора института его любили и прислушивались к его мнению.

Архитектор Эльханани отличался от других еврейских архитекторов в Палестине тем, что в свои проекты всегда привносил художественные элементы, например, скульптуры. Так, почти все еврейские павильоны были украшены скульптурами или витражами. Еще и сегодня в Тель-Авиве, на берегу моря можно увидеть то, что осталось от памятника Рабочему. В

этом месте некогда располагались павильоны местной выставки. Мне попадались проспекты выставки в Тель-Авиве 1936 года. На титульном листе - обелиск, увенчанный "Крылатым верблюдом". Его тоже создал Эльханани.

Сегодня Крылатого верблюда уже нет. Ходят слухи, что этот памятник хотят восстановить на месте памятника Рабочему?! А вот в Петах-Тикве есть Арочная стена - в память о бароне Ротшильде. Это одна из сохранившихся работ Арье Эльханани. Жаль, что не сохранилась другая - семь белых колонн, как символ Меноры. Автор строил их на берегу моря в Тель-Авиве в 1949 году в честь перенесения в Израиль праха Теодора Герцля.

Художник принимал участие в конкурсе по созданию государственного герба Израиля. Его замысел: менора, звезды и надпись "Шалом, Исраэль". Но победила идея другого участника. А вот у солдат Армии обороны Израиля на погонах изображена символика, созданная Эльханани. И Зал Памяти музея "Яд ва-Шем" спроектировал архитектор Арье Эльханани, выходец из Российской империи. Как утверждала дочь художника, барельеф работы Эльханани, украшавший еврейский павильон (Всемирная выставка, Нью-Йорк, 1929) - еврей-землепашец, еврей-кузнец, и еврей-ученый - хранится в одной из синагог Америки.

Рай за шкафом. И все-таки вернемся к картинам художника. Первый раз они были выставлены в 1928 (или 1929) году. У театра "Огель" была еще столовая, размещавшаяся в бараке на берегу моря. Там и вывесили картины эрец-исраэльских художников. Среди них и работы Арье Эльханани. То была первая и последняя прижизненная выставка его работ. А еще через некоторое время он влюбился в иную музу и забыл о живописи. А за неделю до смерти (1985) в его дом пришла Кармела Рубина - из музея Рубина. Она сказала ему, уже тяжело больному художнику: "Эльханани, я делаю выставку. И хочу выставить твои работы". Арье ответил: "У меня ничего нет. И даже не знаю, куда делись старые рисунки". Но тут в разговор вмешалась его дочь. Мирьям до сих пор не понимает, почему ей пришла в голову нелепая - на первый взгляд - идея. "Подожди", - сказала она Кармеле. Затем пошла в свою комнату и стала отодвигать шкаф. За шкафом обнаружился портфель. Там были рисунки отца, которые он привез с собой. Правда, не в очень хорошем состоянии. Но тем не менее, когда их разложили, то увидели, что в портфеле находился рай. Так Кармела Рубина и сказала: "Это целый рай". Эльханан же на это ответил: "Тогда я сделаю выставку". Но через неделю он умер.

И только после смерти состоялась его первая персональная выставка. Можно было бы и побольше выставить его работ, считала Мирьям, хотя там были картины, плакаты, эскизы декораций и костюмов. После этой выставки специалисты заговорили о прекрасном мастере, жившем в Израиле. А Иерусалимский музей немедленно закупил восемь его картин. Впрочем, многие из его работ действительно так и не были в те годы выставлены.

Этгар КЕРЕТ

Касса

Так получается, что я с Лидором отмечаю его день рождения всегда на следующий день. Или на следующий, или за день до этого, но никогда собственно в день рождения. Всегда так, черт побери...

Вы спросите почему? Да потому, что его честь судья постановил, что в день рождения ребенок должен быть со своей матерью, даже если она лживая сука и трахается с каждым идиотом, который улыбнулся ей на работе. У разведенного отца меньше прав.

...Мы с Лидором идем в каньон. Не за подарком, нет, подарок я ему уже привез из-за границы - маленький дрон, управляемый с пульта, отдал 89 долларов в Dutyfree. Прикиньте - 89 долларов в Dutyfree, и они даже батарейки не вложили в набор!

Ну вот, в каньон мы собственно и идем за батарейками, но Лидору я сказал, что мы идем повеселиться. А что я мог сказать? Что папа купил подарок, не проверив, есть ли в комплекте батарейки? Мало того, что папа не был с ним в день рождения, чтобы поднять его в воздух на стульчике именинника, так еще привез подарок, который не работает... Не-а, это не катит...

...Сука. Вчера утром звоню ей - дай мне прийти на день рождения сына хотя бы на десять минут. Поцеловать его, сфотографировать на мобильник как он задувает свечи на торте, и я отвалю. А она сразу начала со своими угрозами, судебным решением о запрете приближаться, и тут же, пока я на линии, начала отправлять эсэмэски этому своему кадру, я в трубке слышал, как она набирала. А потом вообще сказала, что если увидит меня хотя бы на лестничной площадке, такое мне устроит...

...Лидор хочет, чтобы мы сначала запустили дрон, а потом уж пошли в каньон. Но в аппарате-то ведь нет батареек, и сказать об этом я не могу, так я говорю ему, что в каньоне мы пойдем в большой магазин всякой всячины на третьем этаже, ну, там еще наполненные гелием воздушные шары с картинками героев из американских мультфильмов, а на входе веселая толстушка зазывает посетителей: "Давайте, заходите! Что-нибудь сладенькое для малыша?", и я куплю ему там еще подарок, какой он захочет.

Лидор говорит, что каньон - это классно, но сначала - дрон, и я начинаю плести ему, что в каньоне рано закрывают. На мое счастье мальчик еще в том возрасте, когда взрослым верят...

Чтобы отметить с Лидором его день рождения, я должен был отпроситься на работе на полдня, что было непросто, будто они там все так загружены, что без меня им не справиться.

Три часа дня - каньон переполнен посетителями, а Лидор - вот золотой ребенок! - смеется, не хнычет, что нужно стоять в очереди, чтобы только войти.

У эскалаторов он вдруг говорит мне,

что хочет, чтобы мы поднялись бегом по тому, который идет сверху вниз - так, ради шутки, и я устремляюсь за ним. Это классное упражнение для нас обоих - приходится двигаться быстро, чтобы эскалатор не унес нас вниз, да еще внимательно смотреть под ноги, чтобы не споткнуться. Ну, прямо как в жизни. Одна маленькая горбатенькая старушка, едущая вниз, начинает ругаться на нас, спрашивает: почему мы не поднимаемся нормально, как все люди? Вот же, а? Одной ногой в могиле, а туда же, пытается лечить нас, словно мы ей мешаем, - чего это маленький мальчик веселится, когда ей в жизни осталось только терпеть боли в позвоночнике и готовиться к смерти. Я ей даже не отвечаю.

В магазине на третьем этаже толстушки не видно. Вместо нее какой-то долговязый подросток с прыщавым лицом.

Я говорю Лидору:

- Выбери, что хочешь. Все, что ты только захочешь, слышишь? Но только что-нибудь одно, и что бы это ни было и сколько бы ни стоило - папа тебе купит. Обещаю. Что Лидор хочет?

Малыш взволнован. Он оглядывается вокруг, словно наркоман в аптеке. Берет с полки разные товары, рассматривает, даже нюхает. Улучив момент, я успеваю найти четыре пальчиковые батарейки. Однако прыщавый за кассой не спешит пробить мне покупку, хотя я усиленно размахиваю купюрой у него перед лицом.

- Братан, чего ты ждешь? - спрашиваю я.

- Когда мальчик выберет покупку, - отвечает он и вытягивает пальцами изо рта ленту жвачки, - я сделаю общий счет.

Я не успеваю что-нибудь сказать, как он опять погружается в свой мобильник.

- Пробей мне отдельно, чувак, - настаиваю я, а тем временем вставляю батарейки в игрушку, - пока мальчик не определился. Это будет сюрприз.

Прыщавый пробивает, и из кассового аппарата со звоном выезжает денежный ящик. Купюры в пятьдесят шекелей на

сдачу парень не находит и насыпает мне пригоршню монет. К нам как раз подходит Лидор.

- Что ты купил, папа?

- Да так, ничего, жвачку.

- А где же она?

- Да я проглотил ее, - мне приходится соврать.

- Но ведь нельзя глотать жвачку, - говорит малыш, - она может прилипнуть - там, в животе.

Прыщавый начинает смеяться таким дебильным смехом.

- Ну, так ты хочешь подарок или как? - я пытаюсь сменить тему. - Выбери уже что-нибудь.

- Хочу... кассу, - говорит вдруг Лидор и показывает на кассовый аппарат. - Кассу, чтобы мы с Яниром и Лири могли играть, будто у нас магазин сладостей.

- Касса не продается, - говорю я, - выбери что-нибудь другое.

- Хочу кассу, - упрямится Лидор. - Папа, ты обещал!

- Но я говорил - только то, что продается.

- Ты - обманщик, - обиженно кричит Лидор и изо всех сил пинает меня в ногу. - Мама тоже говорит, что ты много обещаешь, но никогда не выполняешь...

Ноге больно, а когда у меня что-нибудь болит, я всегда начинаю нервничать, однако сейчас стараюсь держаться. Ведь сегодня особый день - день рождения моего сына, день, который я люблю больше всего на свете. Ну, то есть, день, который за днем рождения моего сына. Вот дерьмо... Все из-за этой суки...

- Сколько ты хочешь за кассовый аппарат? - как бы между прочим спрашиваю я у прыщавого.

- Это не продается, - он криво улыбается, - вы ведь знаете. Ладно - ребенок, но вы-то...

Он произносит слово "ребенок", словно Лидор умственно отсталый или что-то в этом роде. Я начинаю понимать, что сейчас этот хмырь как бы поймал меня: я

должен выбрать с кем я - с Лидором или с ним.

- Тысяча шекелей, - говорю я и протягиваю ему руку, - по рукам и я снимаю в банкомате наличные.

- Касса не моя, - начинает он вилить, - я тут только работаю.

- А чья? Той толстушки?

- Да, - отвечает он. - Тирцы.

- Так набери ее и дай мне поговорить. За тысячу шекелей она поставит тут новую кассу, лучше.

Краем глаза я замечаю, что Лидор смотрит на меня, как на волшебника... Нет ничего лучше, чем увидеть, как твой ребенок так смотрит на тебя. Это даже лучше отпуска в Таиланде, лучше минета. Лучше, чем хорошенько врезать кому-то, кому причитається.

- Ну, давай, набери ее, - говорю я парню и даже так слегка толкаю его. Не потому, что я нервничаю, а только ради ребенка.

Он набирает номер и отходит в сторонку. Говорит полупшепотом, ходит по магазину, и мы ходим за ним - я и Лидор. Малыш уже радовался, когда я пришел забирать его, а теперь-то он вообще просто на небесах.

- Она говорит - невозможно, - произносит прыщавый и пожимает плечами, словно это приговор суда.

- Дай мне поговорить, - я протягиваю руку к телефону.

- Она говорит, что это исключается, - упрямится он.

Я почти силой забираю у него телефон, и это веселит Лидора - папа рассмешил сына.

- Тирца, - говорю я в трубку, - привет, это Габи. Я твой постоянный покупатель, имя ты не помнишь, но в лицо сразу узнаешь. Послушай, мне нужна твоя помощь: тысяча шекелей - и ты купишь новую кассу, а я буду тебе по гроб обязан.

- А как мой продавец проведет по кассе эту тысячу? - цедит сквозь зубы Тирца. Там еще какие-то люди разговаривают, я едва могу ее слышать.

- Да не надо ничего проводить. Я что - налоговая инспекция? Тысяча шекелей - прямо в карман. Ну, что скажешь?

- Передай ему трубку, - говорит она терпеливо.

- Кому, - не понимаю я, - парню?

- Да-да, - Тирца начинает нервничать, - продавцу.

Я передаю телефон прыщавому. Он коротко говорит с ней и закрывает аппарат.

- Она говорит - нет, - бормочет он, - сожалею.

Лидор крепко держит меня за руку...

- Кассу, - говорит он своим нежным голосом, - ты мне обещал.

- Две тысячи, - изрекаю я, обращаясь к продавцу. - Позвони ей еще раз и скажи, что я даю две штуки: одну сейчас и одну принесу завтра.

- Но... - мямлит прыщавый.

- Банкомат не выдает за один раз больше тысячи, - обрываю я его. - Вторую тысячу я принесу завтра утром. Я оставляю тебе удостоверение личности в залог.

- Но она сказала мне больше не звонить ей, - нудит он. - Она сидит шиву по

своему отцу. Просила не беспокоить.

- Вот хрень... - я кладу ему руку на плечо, как бы успокаивая, - чтоб нам не знать таких бед... Ты подумай, не спеши: две тысячи - это большие деньги. Если она потом поймет, что я предлагал, а она отказалась, она разозлится на тебя. Послушай взрослого человека: тебе нужно отвечать за это?

Я нажимаю на денежный ящик кассового аппарата и он - дзынь! - выезжает. Я этой штучке научился, когда после армии работал в Burger ranch.

- Давай, собери все деньги, - говорю я ему, но он не решается, тогда я достаю из ящика все купюры и засовываю ему в карман джинсов.

- Так не пойдет, - лепечет он.

- Еще как пойдет, - подмигиваю я ему, - положишься на меня. Это классная сделка. Подожди пять минут, и я принесу вторую тысячу, чтобы этим бабкам у тебя в кармане не было одиноко. - Он не успевает ответить, как я беру Лидора за руку, и мы спускаемся на первый этаж к банкомату.

Иногда банкомат капризничает, но вот как раз сегодня он без проблем выдает мне тысячу новенькими голубыми купюрами по двести шекелей.

Когда мы возвращаемся в магазин, возле прищавого стоит какой-то усатый жирдяй. Эти двое о чем-то говорят между собой. Я узнаю толстого - это хозяин соседнего киоска, где продают замороженный йогурт. Когда мы с Лидором входим в магазин, продавец показывает жирному на нас. Я подмигиваю ему и выкладываю на прилавок тысячу шекелей.

- Забирай, - говорю я прищавому. Он не двигается. - Ну, бери уже, тормоз, - я сгребаю деньги со стола и пытаюсь засунуть парню в карман.

- Оставь его, - вдруг вмешивается толстый. - Он ведь еще ребенок.

- Не могу, - начиная я объяснять ему, - я обещал сыну - у него сегодня день рождения...

- Поздравляю, - произносит толстый и гладит Лидора по голове, даже не взглянув на него. - Хочешь мороженое, малыш? От меня тебе подарок - большой стаканчик с кремом, шоколадным сиропом, а сверху - маленькая игрушка. - Все время, пока он это произносит, он не сводит с меня свои маленькие, настороженные глазки.

- Хочу кассу, - Лидор отходит от него на шаг и прижимается к моим ногам. - Папа обещал.

- Да что ты с ней будешь делать? - спрашивает толстый, явно не нуждаясь в ответе. - Это ведь - так, чепуха, да и нам-то она нужна только для налоговой службы. Эта касса ни на что больше и не годна, от нее никакого другого толку или удовольствия, только дребезжит. А что ты скажешь, если папа вместо этого отведет тебя в магазин электроники на втором этаже и купит тебе игровую приставку? За тысячу шекелей ты получишь самую лучшую, со всякими наворотами.

Я не вмешиваюсь - происходящее меня устраивает, так удастся избежать крика и плача и здесь, и потом, с Лилией, когда я отвезу малыша к ней назад. Потому что,

как только она увидит кассовый аппарат, такое закатит...

- Ну, что скажешь? - наседает толстый. - Если не приставка, то что-нибудь еще, там столько всяких классных вещей.

- Кассу, - повторяет Лидор и крепко крепко обнимает меня за ногу.

- Ну, видишь, что говорит мой принц, - теперь я протягиваю деньги толстому, - давай, помоги мне обрадовать малыша в его день рождения.

- Это не мой магазин, - бормочет толстяк, - я тут даже не работаю. Так, хотел помочь...

- Но не помог, - обрываю я его и подхожу к нему вплотную, почти нос к носу, - а только помешал.

Он пожимает плечами и говорит прыщавому:

- Ну, я должен возвращаться к себе, а если этот начнет руки распускать, вызови полицию.

"Тоже мне, герой, мать его..." - думаю я.

Я опять кладу деньги на прилавок, выдергиваю из розетки электрошнур кассы, начинаю его сматывать... и тут Лидор, видя все это, начинает хлопать в ладоши!

- Я вызываю полицию, - говорит прыщавый и начинает набирать номер.

Я опять забираю у него телефон.

- Ну что ты в самом деле, - говорю я. - У малыша сегодня день рождения. Все должны быть веселыми, не порти праздник.

Секунду подросток смотрит на меня, на свой телефон у меня в руке и вдруг выбегает из магазина. Ну вот, не хватало только, чтобы этот день еще закончился серьезным скандалом.

Я кладу телефон на прилавок и обеими руками беру кассовый аппарат: - Теперь мы быстро пойдём отсюда, - говорю я Лидору таким веселым голосом, словно мы играем, - вернемся домой и покажем маме, что ты получил в подарок.

- Нет, - произносит он, - сначала запустим дрон, а потом - домой. Ты обещал.

- Конечно, - я пытаюсь говорить максимально спокойно, - но касса очень тяжелая и папа не может держать ее и одновременно запускать дрон. Давай сейчас отвезем кассу домой, а завтра сразу после школы пойдём в парк и запустим вертолёт.

Лидор на секунду задумался.

- Ладно, - говорит он. - Тогда все-таки дрон - сейчас, а касса - завтра.

Он произносит это удивительно вовремя - в магазин вбегает прыщавый в сопровождении охранника.

- Чего это вы тут творите? - спрашивает тот, маленький такой, весь волосатый, больше похож на доberman-пинчера, чем на охранника.

- Да ничего, - говорю я, подмигиваю ему и ставлю кассу на место. - Так просто - развлекаю сынишку, у него сегодня день рождения.

- Поздравляю, - бросает охранник, обращаясь к Лидору вежливо, насколько может. - До ста двадцати. Однако сейчас вы с папой должны идти.

- Да, - отвечает Лидор. - Мы должны идти запускать дрон.

...В парке мы с Лидором запускаем дрон. В инструкции сказано, что он способен подниматься на высоту до сорока метров, но уже на высоте приблизительно пятнадцати метров сигнал с пульта управления не достаёт его, пропеллеры прекращают вращаться и аппарат падает. Лидору это как раз нравится.

- Кто любит Лидора больше всех на свете? - спрашиваю я, и он отвечает: - Папа!

- А как сильно папа любит Лидора? - продолжаю я свое, в то время как дрон летает кругами над мальчиком.

- Очень сильно! - кричит он.

И я кричу:

- До неба! До луны и до неба!..

В кармане начинает вибрировать мой мобильник, но я не обращаю внимания. Это наверняка Лилия. Дрон тем временем улетает дальше и дальше, пока не теряет связь с пультом и начинает падать, а мы с Лиором несемся по траве, чтобы успеть поймать его, и если Лидору это удастся, он опять залется этим своим чудесным смехом. И в этом дерьмовом мире нет ничего прекраснее, чем смех ребенка.

Пудинг

Вся эта история с Авишам Авуди должна быть как красный свет на светофоре для всех нас. Простой, обычный человек, не пьет бензин и не ест стекло.

Однажды двое стучат ему в дверь, хватают, стаскивают по лестнице, запикивают на заднее сидение тендера и привозят к дому его родителей.

- Кто вы? - спрашивает их ошарашенный Авишай. - Что вам нужно?

- Это нехороший вопрос, - отвечает тот, что за рулем. А тот, что рядом с ним, изрекает: "Хороший вопрос - кто ты такой и чего ты хочешь?". И эти двое смеются, словно рассказали анекдот.

- Я - Авишай Авуди, - говорит Авишай тоном, который должен означать угрозу, - и я хочу поговорить с вашим старшим, слышите?

Парочка паркует тендер во дворе дома родителей Авишай, и оба поворачиваются к нему... Авишай уверен, что сейчас его будут бить, но он совершенно не понимает за что. Честно, он ни в чем не виноват.

- Ребята, вы чего-то напутали, - говорит он, когда его вытаскивают из кабины и начинают руками закрывать лицо, - вы даже не представляете, как напутали.

Но те двое не бьют его, а он закрыл лицо руками, поэтому не видит, что они делают с ним, не видит, но чувствует... А чувствует он, что его начинают раздевать, но как-то не сексуально, а аккуратно, корректно. Затем они что-то надевают на него и вешают на спину тяжелый рюкзак.

- Давай, теперь беги домой - к папе и маме, да поторопись.

И Авишай бежит да так быстро, как только может. Он перепрыгивает через три ступеньки, пока не останавливается перед деревянной коричневой дверью квартиры своих родителей. Тяжело дыша, он стучит в дверь, а когда мама открыва-

ет, он входит в квартиру, захлопывает за собой дверь и дважды поворачивает ключ в замке.

- Да что с тобой? Чего это ты весь вспотел?

- Бежал по лестнице, - все еще задыхаясь, отвечает Авишай. - Там какие-то люди. Не открывай.

- Я ничего не понимаю, - говорит мама, - ну, ладно. Сними рюкзак и иди умойся. Обед уже готов.

Авишай снимает рюкзак, идет в ванную и споласкивает лицо. В зеркале над раковиной он вдруг видит, что на нем форменная рубашка его школы "Ора". Он возвращается в гостиную, открывает рюкзак и обнаруживает в нем тетрадки и книги, обернутые в цветастую бумагу. Тетрадка с датами праздников, пенал, учебник арифметики Гершко.

- Да оставь ты свои учебники, - ворчит мама, - иди поешь. Ну же, поторопись, пока витамины не пропали.

Авишай садится к столу и молча ест.

Еда вкусная. Он уже столько лет питается только готовой едой или в ресторанах, что забыл, насколько вкусной может быть домашняя готовка.

- Папа оставил тебе деньги на кружок, - мама показывает на белый конверт, который лежит на журнальном столике в прихожей, возле старого дискового телефона. - Но я говорю тебе, Ави, если это будет опять как в прошлый раз, когда ты бросил кружок после первого занятия, то лучше скажи сейчас, пока мы не заплатили.

"Это просто сон", - думает Авишай, но машинально отвечает: "Да, мама". - "Если это и сон, - продолжает он размышлять, - вовсе не значит, что я должен быть невоспитанным. Если захочу - смогу проснуться в любой момент."

Хотя он и не знает, что точно нужно сделать, чтобы пробудиться в середине сна. Наверное, нужно ущипнуть себя, однако, как правило, это делают, чтобы убедить себя, что это не сон. Может, задержать дыхание или просто сказать себе: "Просыпайся! Просыпайся!" А может, просто не принимать все то, что происходит вокруг, подвергнуть сомнению - и все исчезнет. Что бы это ни было - не паниковать. Сначала все доем, а потом уж проснуться. Да и после обеда тоже нечего спешить - можно сходить на кружок, интересно ведь, что там? Или немного поиграть с ребятами в футбол на площадке возле школы. А уж когда папа вернется домой с работы - тогда и проснусь. А можно вообще потянуть денек - другой - до какого-нибудь трудного экзамена.

- О чем это ты все время думаешь? - мама ласково погладила его по начинающей лысеть голове. - Представляю, сколько мыслей роится в этой головке с такими круглыми глазками.

- Думаю о десерте, - слукавил Авишай. - Что у тебя есть - желе или пудинг?

- А что бы ты хотел? - спросила мама.

- Пудинг, - облизнулся Авишай.

- Есть пудинг, - довольно сказала мама и открыла холодильник, - но, если вдруг передумаешь, можно сделать и желе, это займет всего несколько минут.

Перевод с иврита
Александра Крюкова

БУЗИ, ПОЗРОСЛЕВШИЙ С ДЕТСТВА

*"Когда со всех концов
Несутся плач и вой,
И пять шестых земли
Жжет ужас огневой -
Понятно мне, что я
Не от порока сердца
Умру, а лишь от пули роковой..."*

Эти, почти пророческие строки, написал еврейский поэт Борис (Берл) Олевский, успевший за короткую жизнь, отмеренную ему судьбой, оставить в литературе на родном для него языке - идише яркий след. 28 июня со дня рождения этого литератора исполняется 110 лет.

На свет Олевский появился в местечке Черняхов, неподалеку от Житомира, тогдашнего центра Волынской губернии, в семье мелкого торговца Аврума, объявленного новой властью после революции "лишенцем". Отец дал мальчику имя Берл, но за ребенком с самого раннего детства до конца жизни закрепилось мягкое домашнее имя - Бузи. Олевский-младший рано проявил литературные способности. В 1924 году при минской газете "Дер юнгер арбэтэр" ("Молодой рабочий") была создана литературная группа. Раз в неделю собирались и читали свои произведения Шмуэл Гельмонд, Нотэ Лурье, Мотл Гарцман, Мендл Лифшиц, Гирш Каменецкий, Ривка Рубина, Исроэл Серебряный, Мойше Тейф, ну и Бузи Олевский. Они выпустили коллективный сборник. Затем стихи Олевского стали появляться и в других альманахах. С первых его публикаций стало ясно, что в еврейскую поэзию пришел новый талант со своеобразным взглядом на жизнь и ее философским осмыслением.

В 1926 году Бузи Олевский поступил во 2-й МГУ, на еврейское отделение литературного факультета. Окончив ВУЗ, стал аспирантом, защитив кандидатскую диссертацию по теме: "Творчество Давида Гофштейна". В своей поэзии Олевский отразил процессы крутых перемен в еврейских местечках бывшей черты оседлости, происходившие в первые послереволюционные годы, во время гражданской войны в России, и особенно в период НЭПа. Некоторые из своих произведений автор посвятил теме движения местечковой молодежи в большую индустрию. Эти мотивы звучат у него в поэтическом сборнике "Ин вукс" ("В росте", Москва - Харьков - Минск), вышедшем в 1930 году, и в поэме "Шахтэ" ("Шахта", Москва, 1933), выпущенной отдельной книжкой. Увлечшись воздушным флотом, он написал о летчиках серию очерков, и в 1933 году в московском издательстве "Дер эмес" увидел свет сборник "Алц хэ-хер ун хэ-хер" ("Все выше и выше"). В этой книге поэт впервые в еврейской литературе показал образы авиаторов, нарисовал впечатляющие картины из жизни воздушного флота.

В Олевском жила душа романтика, и вот, покинув Москву, Бузи, одним из эшелонов, державших в 1935 году путь на Дальний Восток, в Биробиджан, отправился туда, открыв новую страницу в жизни и творчестве. "Стройный, смуглый юноша с живыми гла-

зами, глядящими на мир с умной усмешкой, полной любви к людям", - таким увидел его в Биробиджане Эммануил Казакевич. Два года они жили в одном доме - деревянном двухэтажном строении барачного типа (других зданий тогда и не было), вместе исходили и изъездили не один десяток километров по таежным дорогам Приамурья. Таким описала его и поэтесса Люба Вассерман, незадолго до их встречи приехавшая в Биробиджан из подмандатной Палестины. Как и Казакевич, Олевский работал в местной еврейской и русской прессе, публиковал стихи, баллады, очерки, посвященные строительству Еврейской автономной области, ее людям, прибывшим со всех концов мира (увы, не осуществившейся) мечтой - возвести прочный еврейский дом. Насколько Олевский был талантлив в поэзии, настолько одарен и в прозе. Одна за другой выходят его книги: "Биробиджанер лидэр" (стихи, Москва, 1938); "А нахт афн Амуре" ("Ночь на Амуре", рассказы, "Дер эмес", Москва, 1939); "Онэйб лэбн" ("Начало жизни", рассказы, там же, 1939); "Аф биробиджанер эрд"; "Лидэр" ("Стихи", там же, 1940); "Майсэлэх" ("Маленькие сказки", там же, 1940). Бузи Олевский перевел на идиш и издал повесть популярного детского писателя Льва Кассиля "Кондуит и Швамбрания" ("Швамбрания", изд-во "Дер эмес", Москва, 1934), а также - научно-популярную книгу Сергея Дмитриева "В поисках мамонта" ("Кэйн Сибир нох а мамэнт", там же, 1935).

Олевский прошел действительную

службу в армии, и еще до начала Великой Отечественной войны, как офицер запаса, был снова мобилизован. Его направили в часть, стоявшую на западных рубежах страны. Командир пулеметного взвода, младший лейтенант Олевский Борис Абрамович в июне 1941-го погиб в одном из первых ожесточенных боев с гитлеровскими оккупантами.

После войны в Москве вышел коллективный сборник "Аф найе вэгн" ("На новых дорогах"), в котором были представлены 67 еврейских поэтов и прозаиков, в том числе, и Бузи Олевский. Спустя годы, видный еврейский прозаик и литературный критик Ривка Рубина сделала наиболее полный анализ литературного наследия Бузи Олевского, опубликовав очерк "Ан одлэр ун а тойб" ("Орел и голубь") в своей книге литературных портретов "Шрайбэр ун вэрк" ("Писатели и произведения"), вышедшей совместно в издательствах "Идиш бух" (Варшава) и АПН (Москва) в 1968 году.

Из поэзии Берла Олевского

Мы взрослыми еще сызмальства стали

*Исходит кровью солнце в дымной дали.
Высокая рождается звезда.
Мы взрослыми еще сызмальства стали,
И, черт их знает, где они, года!
Мой брат пропал
в глухой дали походной,*

*Шинель оставив с вытертым сукном.
Стальную смерть, его наган холодный,
Теперь в кармане я храню своею.
Года, сменяясь, вихрем пролетели,
Вовек не воротиться им назад.
Ребенком, помню, в утлой колыбели
Проснулся я от грохота гранат.
Спят нынче дети мирно и глубоко,
Колышется над ними полутьма,
Отцы склоняют головы - до срока
Запорошила снегом их зима.
И в памяти моей давно печали
И радости смешались навсегда.
Мы взрослыми еще сызмальства стали,
И, черт их знает, где они, года!*

Перевод Д.Бродского

Первые

*Вот так зарождались
селения Биробиджана -
Под небом бездонным,
упавшим на плечи Хингана,*

*Послышались топот и ржанье,
и крики: "Скорее!" -
тряся бородами, коней понукали еврею.*

*Болели глаза от простора
и солнечной дали,
подобных которым
они никогда не видали.
Вершины хребта пламенеют
в алмазных уборах,
а ниже по склону теснятся домишки,
в которых
живут пионеры.
Степенно, с серьезностью давней
оконные стекла блестят
сквозь открытые ставни.*

*Все, все утрясется.
И смех уже слышится звонкий,
и странно белеют
на мшистых деревьях пеленки,*

*А в сочной траве,
не слышавшей о людях веками,
мелькают платки и, конечно,
глаза под платками.*

*На фоне деревьев застыл жеребец,
как картина,
немного пониже по склону
пасется скотина.*

*Там доят коров и, конечно,
шумят по причине
того, что без ужина
быть невозможно мужчине.*

*Дымятся костры, вкусный запах
струится в тумане,
сбегаются дети,
черны и шумны, как цыгане.*

*И нет лишь отцов,
что, вечерний покой беспокоя,
никак не устанут
тягаться с угрюмой тайгой,
упрямцев, которым
и ночью трудиться охота,
что валят и валят тайгу
до десятого тома!*

Перевод Д.Бродского